

Протоиерей Сергей Булгаков: Зов апостольства. Слово на день памяти святых первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня

Проповедь

Церковь творит ныне память двух первоверховных апостолов Петра и Павла, но в лице их и всего апостольства (недаром следующий же день, 30 июня, освящен памятью «Собора 12 апостолов»). В них как бы олицетворяются обе стороны апостольского служения: иерархическая — в лице старейшины апостольского собора апостола Петра, и учительственная — в лице апостола Павла, более всех потрудившегося в проповедании Евангелия. А между ними явно присутствие и самого возлюбленного ученика Христова, апостола любви, «старца» Иоанна (хотя память его и совершается особо). Все апостолы (кроме апостола Павла) были «свидетелями» (Деян 1: 8) земной жизни Господа, призванными возвестить о том, что они «слышали, что видели своими очами» (Ин 1: 1-3). Пришествие в мир Господа во исполнение времен и сроков было приуготовано на земле. Его ждали, готовые встретить, все те, которые были удостоены этого избрания, начиная с Предтечи и праведного Иосифа Обручника. В числе их были избранники избранного народа Божия, смиренные рыбаки, но будущие апостолы. Их Господь избрал и призвал, их сделал свидетелями чудес Своих, им открывал тайны Царствия Божия. Их Он посылал на проповедь, наделяя даром исцеления и властью над бесами еще в дни земной жизни Своей, им повелел проповедывать Евангелие всей твари по воскресении Своем. Им ниспослал Он от Отца — Святого Духа, и в этой полноте даров в них явил полноту Церкви Своей. Во исполнение веления Господа «во всю землю изыде вещание их и во все концы вселенныя глаголы их». Церковь ублажает св. апостолов, как избранников Христовых, и «чтит болезни и труды» их, подъятые «во благовестие Христово».

Теперь спросим себя: что же именно в служении апостольском принадлежит только лично апостолам и что вверено и завещано в лице их и всей Церкви, которую представляли они в Сионской горнице в день Пятидесятницы? Прежде всего, полнота всех даров, сосредоточенных в личности каждого из апостолов, конечно, не передается целиком ни одному из членов Церкви. В этом смысле их дары и служение были единственны и непередаваемы. Апостолы соединили в себе, с совокупностью иерархических полномочий, дар и пророчества, и чудотворения, и проповедания. Они в себе воплощают всю силу Церкви, власть и совесть ее, почему они и являются в день Судный сидящими на престолах судить 12 колен Израилевых (Мф 19: 28). И, конечно, не может быть передано то их исключительное личное преимущество, что все они «видели Господа». Однако же вся полнота даров Духа Святого в лице их вверена Церкви, хранится в ней и сообщается членам Церкви, хотя и никакой отдельный человек не может иметь ее так, как ее имели святые апостолы (и лишь римский первосвященник ныне мнит иметь эти дары даже в большей полноте, нежели все отдельные апостолы, именно как апостол Петр, с лицом которого он себя отождествляет).

Прежде всего передается иерархическое преемство через апостольское рукоположение с властью тайнодействия. В этом и состоит так называемое апостольское преемство иерархии. Передается далее и власть сообщения даров Святого Духа, совершавшегося апостолами над всяким крещеным христианином через рукоположение, и ныне через таинственное миропомазание. Церковь имеет и дары исцелений, и власть над демонами, и силу пророческого

служения, но эти дары уже не передаются преемственно и непрерывно, но подаются во времена, угодные Богу, лицам, для того предызбранным. И, наконец, Церковь содержит и апостольское служение, состоящее в проповедании и исповедании веры. Это и есть, прежде всего, апостольство: «шедше убо научите вся языки» (Мф 28: 19); Идите по всему миру, проповедуйте Евангелие всей твари (Мк 26: 15). К кому же прямо относится это заповедание Господа: к апостолам ли только, непосредственно предстоявшим Ему, или же — в лице их — ко всем членам Церкви без всякого ограничения? Можно, конечно, уразумевать эти слова и в первом, суженном смысле, относя их только к богоустановленной иерархии и изъясняя проповедание слова как ее исключительное преимущество.

Несомненно, в этом толковании есть своя доля истины, состоящая в том, что иерархия получает через рукоположение нарочитый долг и сугубый дар церковного проповедания, в частности, в связи с богослужением, с высоты церковного амвона. Однако было бы преувеличением, доходящим до своевольного искажения слов Спасителя, совершенно исключать этим толкованием призвание и всякого христианина к проповеданию, которое есть прежде всего исповедание, ибо ко всякому обращено слово Господа: «Кто исповедает Меня перед людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным» (Мф 10: 32). Святые мученики, исповедавшие свою веру пред властями мира сего среди мучений, являлись и самыми действенными проповедниками, и, подобно этому, можно сказать, что каждый христианин, словами и делами призванный исповедать Господа и тем самым Его проповедывать, призывается к апостольству, хотя и различны бывают пути и образы этого проповедания, также как и различны дары. Можно сказать, что между разными дарами апостольства некоторые, именно полномочия иерархические, унаследовываются только немногими, другие же, как пророчества и чудотворения, в подавляющем большинстве случаев и вовсе не наследуются, составляя достояние лишь единичных исключений, но дар проповедания и долг исповедания сообщается всем. Все христиане причастны к призванию и служению апостольства, а, стало быть, и его дару, все, помазанные Духом, составляют народ Божий, царственное священство, все имеют зов апостольства. Об этом свидетельствует, прежде всего, наличие чина равноапостольства, которое, конечно, означает служение, подобное апостольскому. И этот чин применяется Церковью независимо от того, является ли его удостоившийся носителем церковного сана. В этом чине есть и мужчины и женщины: царь Константин и великий князь Владимир, святые Кирилл и Мефодий наряду с царицей Еленой и великой княгиней Ольгой, мироносицей Марией Магдалиной, первомученицей Феклой и святой Ниной. Они, будучи в своем звании, вошли в подвиг и труд апостольства, разумеется, не в том, что составляет апостольское достояние, но в том, что для всех христиан доступно, а, следовательно, и обязательно, именно исповедание, а тем самым и проповедание веры Христовой. Ко всем обращает слово свое первоверховный: «будьте всегда готовы всякому требующему у вас отчета о вашем уповании дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет 3: 15). Здесь одновременно говорится и о том, что слово исповедания дается лишь в ответ на вопрошение, но и о том, что к нему надо быть всегда готовым. Эта готовность, правда, не всегда встречает применение в жизни. Однако, она явно свидетельствовалась в первенствующей Церкви, когда христиане были ведомы на судилища и убиваемы за Имя Христово, и она же свидетельствуется непрестанно и в наши дни на родине нашей, где исповедание веры стало не менее ответственным, нежели в первохристианстве. Но и вне прямого внешнего гонения на веру, она всегда находится в состоянии более тонкого преследования насмешкой, презрением, даже равнодушием, и ее исповедание большей частью является некоторым нравственным мученичеством, но тем самым и проповедью. При этом такая проповедь не может ограничиваться только одной духовной самозащитой, потому что она должна вытекать из деятельной любви и заботы о других братьях наших, не ведающих Христа. И если прежде эта проповедь имела в виду преимущественно язычество внешнее, то теперь она обращена и к язычеству, возникающему в христианской среде, к тому богоборству и христорборству, которое

происходит во всем мире, и прежде всего в нашем отечестве. Христианин не может относиться к этому натиску неверия, к проповеди антихристианства с равнодушием, или даже только оборонительно, он должен стремиться вести с ним наступательную борьбу, потому что это не есть борьба лишь за отвлеченное учение, но и за живые души. И эту встречную проповедь свою он должен вести применительно к требованиям места и времени, для всех быть всем, чтобы «некако некия спасти» (Кор 9: 22). Воззрите на самого апостола Павла, как различно он проповедует в еврейской синагоге и в афинском ареопаге, сколь различествует Послание к евреям от Послания, скажем, к ефесянам. Посмотрите, сколь различна даже самая проповедь Евангелия, например, у евангелиста Марка и евангелиста Иоанна Богослова! Проповедь Евангелия есть зерно вечной жизни, которое облекается в различные покровы. И для нашего времени мы должны искать свой собственный покров, чтобы достойно явить ее. Сознание современного человечества находится в зависимости от научных достижений его, оно подавлено ими, и долг современной проповеди, современного апостольства состоит, между прочим, и в том, чтобы подъявши с веком духовное иго его научности, подклонить его кресту, а также и в свете науки являть свет истины Христовой. Современное апостольство в таком смысле требует нарочитого труда для приготовления к нему. Конечно, свет христианства остается в неизменности своей во все времена, как бы ни изменялись понятия века и, с другой стороны, всегда остаются в силе различия духовных возрастов и состояний человека. Поэтому и теперь остается свое место для разных образов исповедания и проповедания. Мать, обучающая молитве и истинам веры своего ребенка, смиренная старица, образом благочестия своего невольно заражающая всех, ее видящих, скромный пастырь, в тишине и терпении работающий на ниве духовной, совершают то же апостольское дело, что и ученый богослов, вооруженный истинным знанием против знания лжеименного, поборающий светом Христовым мнимый свет того просвещения, которое есть тьма. Ревность апостольская объемлет все средства и все возможности, и каждому дается свой дар и свое служение.

Святые апостолы, сами приявши слово от Слова, передали Церкви преемство слова, которое проповедуется в ней до скончания века, и все христиане суть служители слова, ими воспринятого.

Да умножится в Церкви Христовой сила этого служения, молитвами святых первоверховных апостолов Петра и Павла! Аминь.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

В.Г.

Я родился в неверующей семье. Несколько поколений в ней были инженерами или научными работниками, поэтому главными ценностями дома были Наука и Культура. Я с детства что-нибудь изобретал, мастерил или рисовал, много читал, и может быть поэтому мне всегда хотелось чего-то большего, чего-то истинного, о чем можно было сказать: «Это — так!» Помню, в детстве я часто забирался на крышу старого гаража во дворе, среди многоэтажек, и долго смотрел на звезды... Это было хорошо, хотелось сделать что-нибудь новое, хотелось жить с этим чувством, но оно быстро проходило...

Окончив школу, я поступил в университет, но учеба не приносила ожидаемого удовлетворения и радости. Неожиданно для себя, я снова начал рисовать. это было чистое творчество, приносившее потерянную радость, и я решил изменить свою жизнь и стать художником. Не оставляя учебы в университете, я стал учиться живописи в изостудии. Много позже, уже

работая в академическом институте и добившись некоторых успехов в живописи, я обнаружил, что так и не нашел пути к Истине — современное искусство было, как правило, слишком субъективным и распадалось на отдельные, часто противоречивые куски-этапы. Пытаясь соединить их воедино, я занялся теорией искусства. Случайно мне попала книга В.Фаворского «Лекции по теории композиции», которая убедила меня в том, что Истина в искусстве (и науке!) возможна, но она, похоже, лежит за пределами их обоих. Экспериментируя с формой, я написал несколько копий с икон, и принес одну из них в церковь. Священник, которому я их показал, узнав, что я не крещен, посоветовал немедленно креститься, но я оправдывался тем, что еще не созрел и т.д., про себя, впрочем, думая, что мне это пока ни к чему. Однако какие-то зерна веры он во мне посеял.

Через некоторое время, больше под давлением обстоятельств, я решился. Крестился я втайне от родных, как мне тогда казалось — сознательно, но не испытал практически ничего. Беды мои как-то рассеялись, но дальше все шло по-прежнему — я иногда ходил в церковь, молился как умел, но жизнь мою это никак не изменило. Богослужения я не понимал (как мне объяснили — это и не обязательно, мол, привыкай — разберешься...), Евангелия, прочитанные поверхностно, я воспринимал в основном исторически, старался по мере сил исполнять заповеди и «являться» на службу. Господь оставался для меня абстракцией, до которой достучаться очень непросто...

Неожиданно меня пригласили участвовать в создании иконостаса для одного из центральных соборов города. Это потребовало от меня более глубокого понимания церковного искусства. Несколько месяцев я провел в библиотеке, и тут стали рождаться вопросы: что же такое для меня — Вера, Православие, Церковь? А что такое мнение Церкви?... Я снова вернулся к Евангелию, стал читать богословскую литературу.

Постепенно я обнаружил, что Православие — не набор законов и правил (даже и апостольских!), а Любовь и Свобода, и главное для меня — что мои наивные, детские слова «это — так» сотни лет звучат в церкви — «Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое возношение в мире приносить...!» Это была та самая Истина, которую я все время искал и эта Истина есть Бог. Но оставалось еще слишком много вопросов, на которые никто мне ответить не мог, и это огорчало.

Однажды, когда я был в Москве, в день Сретения Владимирской иконы Божией Матери, я шел в Сретенский монастырь приложиться к святыне. На моем пути из метро было три храма, и третьим был Владимирский собор Сретенского монастыря.

Бывая в Москве, я редко заходил в храмы, а тут вдруг решил зайти, и не в первый по пути, а почему-то во второй. Это была церковь Успения в Печатниках. Там только что окончилась литургия и шла проповедь. Священник с умным лицом, без бумажек, говорил с прихожанами о жизни по-честному, на простом языке, не цитируя лишь текст Писания, и в то же время сохраняя глубину мысли и точность формулировок. Для меня это было удивительно, так как до сих пор я слышал проповедь только по большим праздникам из уст нашего архиепископа, и меня они не вдохновляли и не убеждали.

Поразили меня и прихожане, которые как-то по особому, с уважением и любовью относились к священнику и друг к другу. Мысленно я им позавидовал, хотя и чувствовал, что только так и должно быть в Церкви.

Так я познакомился с о.Георгием Кочетковым и братством «Сретение». Потом была беседа с А.М.Копировским, который рассказал мне об Огласительном училище и пригласил учиться, но я все еще колебался — ведь формально я был полным членом Церкви, «воцерковленным» и

регулярно причащался. Только приехав домой и еще раз «почувствовав разницу», я принял решение проходить оглашение полностью. И хотя остается еще очень много нерешенных вопросов, неизжитых грехов и несделанных дел, я верю, что все же стал на путь, ведущий к Богу и в Церковь.

С.А.

Я был крещен в детстве, но само крещение не помню. Сейчас мне уже 61 год.

В свое время впитывал в себя всю атеистическую пропаганду. Помню, во времена начальной школы в нашем частном доме, битком забитом родней, в маленькой каморке ютились две монахини. Лики святых с развешенных по стенам богатых и разнообразных икон будили воображение. Были и прекрасные старинные священные книги с великолепными иллюстрациями. Но все это не могло поколебать вбитую в голову пропаганду: это опиум для народа, это специально придумано, чтобы душить нам голову.

Потом пионерия, комсомолия, партия...

Будучи летчиком-истребителем, я часто смеялся над верующей бабушкой, говорил, что очень высоко, за облаками (в стратосфере), Бога нет, не видел, не встречал.

После окончания вуза, в конце 60-х годов, общаясь среди таких же, как я, любознательных и любопытных людей, узнавал о различных загадках природы, феноменах. Страшно хотелось во всем этом разбираться. И разбирался...

Лекции Зигеля о НЛО, курс обучения у Ажажи, знакомство с восточной философией и китайской медициной, самообучение. Затем выясняется, что можно успешно воздействовать на энергетику человека и без контакта. Хатха-йога научила меня управлять энергетикой. Таким образом получилось, что если Бог сотворил человека по Своему подобию, то и отдельные люди могут повторять все феноменальные явления, которые исполнял Иисус Христос, значит, все правда — Иисус Христос был.

В середине 70-х годов я твердо верил и знал, что Бог есть. Бог — как единый разум, Который все сотворил и держит все под контролем.

Первые молитвы я узнал на лекциях и семинарах М.Л.Перепелицына, а также из его книги «Философский камень». Иногда, посещая церковь, я ставил свечи, слушал непонятную службу, читал молитвы. Хотелось разобраться в религиях, христианстве. Совершенно потрясающие откровения я получил благодаря трудам отца Александра Меня, но дальше в религию не пускала неприязнь к «советским церковникам» — их фарисейские лица достоверно запечатлел художник Шилов.

Совершенно случайно, как мне казалось, мой коллега по работе рассказал мне об Огласительном училище. Хотя теперь я знаю точно, что все, что меня вело к Богу, — не случайно. Не случайно я остановился в дальнейших исследованиях феномена НЛО — многие мои товарищи плохо кончили. Не случайно в моих занятиях экстрасенсорикой не было меркантильного интереса. Не случайно дальше хатха-йоги я не пошел, а с товарищами по йоге потом творились нехорошие дела. Не случайно после четвертого курса обучения у Павла Глобы я почувствовал запрет на эту деятельность.

Я благодарю Господа Бога за то, что Он привел меня в Церковь, и глубоко уверен в том, что Господь будет все больше и больше открываться мне.

Я этого бы хотел.

Священник Георгий Кочетков: Третья миссионерская «открытая» встреча в Огласительном училище при Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской шк

Миссионерство и катехизация

(16 февраля 1997 г.)

Приветствую вас, дорогие братья и сестры!

Сегодня нам нужно поговорить о катехизации, о том, что такое оглашение взрослых людей, которое предстоит большинству собравшихся здесь, в храме, всем тем, кто хотел бы после наших «открытых» миссионерских встреч, пойти дальше, вглубь христианской жизни, осваивая христианский опыт веры. Вот об этом мы и поговорим в первую очередь. Я буду рассказывать об оглашении и о храме, покуда многие из вас первый раз пришли в храм сознательно, всерьез. Я покажу те книги, которые вам будут нужны вначале, в первой части оглашения, и которые желательно приобрести, если их у вас еще нет. Надеюсь, что большинство таких книг у вас есть, но если все-таки нет, вы можете приобрести их у нас за ящиком в перерыве или в конце нашей встречи, или в каком-то другом месте — пожалуйста, это все равно, лишь бы вы приобрели то, о чем будет идти речь. Ну и потом мы с вами прочтем молитву перед началом первого этапа оглашения, очень древнюю молитву, которая веками употреблялась в Церкви по отношению к взрослым людям, приходящим в Церковь, к Богу, к вере и желающим научиться вере, т. е. пройти оглашение. После этого мы разобьемся на небольшие группы, человек по 20, и назначим место следующей встречи в удобное для вас время, уже для каждой из этих групп. Вот все, что нам с вами нужно будет сегодня сделать, завершая цикл «открытых» встреч.

Первые две встречи проходили не в храме, как вы помните. Они проходили в большом зале, в светском учреждении, и это было не случайно. Только тогда, когда вы что-то услышали о христианстве, о вере, о жизни, когда вы хоть как-то прикоснулись к опыту личного восприятия православной веры православными людьми, пришедшими в Церковь из неверия, из мира сего или от расслабленной и искаженной веры, только после этого можно было пригласить вас в храм — в надежде, что это не будет вас смущать и что вы уже в какой-то степени сделали свой выбор и можете сказать: «Нашел, и надо продолжать искать». Я хотел бы это подчеркнуть, увы, не так часто это говорится в церкви. Если вы нашли Бога, если вы нашли Церковь, нашли человека, себя в Церкви и в Боге, то надо продолжать искать. Никогда не останавливайтесь в своей духовной жизни, в своем духовном росте и укреплении. Если человек почувствовал резонанс, какую-то гармонию, какое-то единение с тем, о чем шла речь на наших первых встречах, то он может здесь пойти дальше. Если этого нет — фальшивить не следует, пред Богом не нужно никакого насилия. Усилие нужно всегда, насилие — никогда. Нужно продолжать искать. Мы говорили вам, что вы можете прийти снова через четыре месяца на подобные встречи, которые проводит наше Огласительное училище при Свято-Филаретовской высшей православной школе, или как-то иначе строить свою духовную и церковную жизнь, но,

повторяю, вы теперь имеете возможность и перспективы вот такого углубления, укрепления себя в вере с помощью Божьей.

Собственно говоря, в прошлый раз мы уже начали разговор об оглашении. И я вам приводил самую краткую как бы формулировку того, что представляет собой оглашение, хотя, как все формулы, и эта формулировка — какая-то условность, лишь какой-то знак чего-то важнейшего, собственно происходящего во время оглашения, ну и в какой-то степени это знак внешний, конечно. Я говорил, что «оглашение» — это русское слово, образованное от слова «глас», а соответствующее слово с греческим корнем — «катехизация». Эти два слова — синонимы, они означают одно и то же.

Оглашение есть наставление, научение, не обучение, а именно научение основам христианской веры и жизни, причем научение, наставление — последовательное, постепенное и целостное, помогающее вам войти в полноту благодатной жизни. Вот это и есть оглашение.

Оглашение — это всегда священнослужение. Это некая жертва Богу. Современные люди не очень привыкли приносить какие-то жертвы, они боятся жертв, и без них постоянно ощущая себя как бы неполноценными, обделенными. Но этот комплекс неполноценности надо преодолевать. И для этого есть возможность, реальная возможность, потому что чего не хватает человеку, то есть у Бога, и что невозможно человеку, то возможно Богу. Да и само слово, имя «Бог» не случайно не только созвучно, но и родственно такому слову, как «богатый», т. е. тот, у кого всего много, в ком есть преизобилующая и преизливающаяся полнота, полнота жизни, полнота духа, полнота любви и свободы. Мы об этом говорили, говорили о Боге как о такой полноте Истины. И именно такого Бога ищет всякий человек, и Его находит, не приобретает себе в собственность, еще раз хочу подчеркнуть, а находит, встречается с Ним и общается. Вот это и есть цель христианской жизни, в этом суть христианской жизни.

Итак, оглашение есть священнослужение. А коли священнослужение, значит, те люди, которые вам помогут проходить оглашение, катехизаторы, будут совершать такое священнослужение, где бы и в каких бы обстоятельствах это ни происходило — в вашей ли квартире, дома ли, за обеденным столом, за чашкой чая — все равно это будет священнослужение. Для вас, наверное, это не очень привычно. Вы, быть может, больше привыкли к тому, что священнослужение — это набор не очень понятных древних символических действий, требующих совершенно определенных фраз, поз, облачений, выражений. Но это не обязательно должно быть именно так, потому что духовная реальность может быть выражена по-разному, в том числе и абсолютно современным языком. Хотя все равно это будет язык несколько символический, или иногда язык притчи, или это будет какой-то в глубоком философском смысле слова миф, миф — не в смысле волшебной сказки, не в смысле неправды, а в смысле особого способа выражения той духовной реальности, которая проходит через человеческий опыт, через обычные человеческие формы выражения и воплощения, потому что по-другому быть выражена не может — нет у людей другого языка. Другое дело, что иногда мы эти мифы быстро осознаем, и когда ими пользуемся в современной жизни, то их даже уже не воспринимаем как мифы, ибо нам кажется, что это совершенно обычная, ну, может быть, только поэтизированная реальность. Нет, все значительно сложнее, когда речь идет о духовной жизни, как мы будем еще говорить.

И вот, вам нужно будет участвовать в оглашении как священнослужении, потому что всякое научение истине может быть только духовным. Я уже говорил, что научение и обучение — не одно и то же. «Обучение» — это школа. В школе идут занятия, будь то начальная школа, средняя или высшая. А вот катехизация — это что-то другое. Это и не начальная школа, и не средняя, и не высшая. Да, в катехизацию будет входить передача каких-то знаний, умений,

информации, в конце концов. Действительно, это так. Но центр будет не здесь. Тот, кто ищет только информацию, только передачу знаний, боюсь, не всегда будет доволен, потому что наша цель — передача духовного опыта Церкви, а это не может быть переведено на язык информации, язык совершенно объективный, ну и поэтому не очень-то живой. Я очень хотел бы, чтобы вы это знали. Поэтому мы не называем наши огласительные встречи «занятиями». И я буду очень не рекомендовать вам пользоваться такого рода терминологией, потому что, даже лишь произнося это неточное слово «занятия», «вот, я пришел на занятия», вы уже будете настроены как бы на какую-то лекцию, на то, что вам что-то вкладывают в умы, в вашу жизнь, и вы просто учитесь, проходите обучение. «Научение» же — это наставление. Слово «наставление» сейчас тоже плохо понимается, но изначально оно означало «вот взять и поставить». Представьте себе, что вы потеряли дорогу в лесу, потеряли ориентир. И вдруг вы его нашли, и теперь как-то поставлены на правильный путь, или кто-то вам показал: «Идите туда — и достигнете цели». Вот это будет «наставление». Это будет «научение», но не «обучение». Это понятно? Или совсем трудно? Понятно? Ну, я так и думал, что все понятно.

Я уже сказал, что не случайно вы сейчас находитесь в храме. С древнейших времен духовное наставление было положено проводить в храмах. Только с той небольшой разницей, что в древности, скажем, полторы тысячи лет назад, вот если бы мы с вами сейчас мысленно как бы перенеслись в III, IV, V век христианской веры, то со временем, после первых каких-то бесед, после того, как удостоверились бы, что у вас что-то живое внутри откликается на Слово Жизни, вас тоже пригласили бы в храм, правда, не пустили бы собственно в храм, его двери остались бы закрыты, но вас разместили бы примерно так же, и вы тоже сидели бы, только в притворе. Сейчас остатки древних притворов — это вот тот нартекс, или, говоря на светском языке, — тот вестибюль, через который вы проходили, когда с улицы попадали в храм. Вы видите, что современные церковные притворы, как правило, маленькие. А в древности они были очень большие и занимали по меньшей мере половину площади всего храма, поэтому все люди в них умещались. Но, правда, таких больших собраний оглашаемых не было, пожалуй, даже в столичных городах, при патриарших кафедрах, зато было много разных епископских кафедр, при которых люди распределялись более равномерно. Наше время — немножко сложное время, но благодатью Божией у нас есть то, что есть.

Так вот, вы сидели бы в притворе, а сейчас вы сидите в храме. Да, вы не стоите, ибо и здесь все немножко поменялось. В древности вероятнее всего я бы сидел, а вы бы стояли. Сейчас вы сидите, я стою. Ну, может быть, так и должно быть. Христос сказал: «Я посреди вас как служащий. Я пришел, не чтобы Мне служили, но послужить». История иногда очень живо и непосредственно напоминает нам некоторые евангельские строки.

Так вот, можно ли сидеть в храме мирянам? Видите, некоторые сомневаются, говорят, можно только больным, а некоторые говорят — в католических храмах сидят. Что еще? Вот кто-то считает, что если служб нет, — то можно. Но мы с вами говорили, что оглашение — это священнослужение. Я вам все-таки должен сказать, что сидеть в храме можно и во время священнослужений, кроме некоторых моментов — тоже не буду сейчас вдаваться в подробности. Другое дело, что из аскетических соображений в последние века, это уже довольно долгие века, под влиянием монашеской идеологии сидеть в церкви стало как-то не принято. Но в древности в основном сидели. И до сих пор на богослужениях сохраняются такие интересные возгласы, как, допустим, «восстаньте», или есть такой почти совсем непонятный современному уху призыв: «прости, премудрость, вонмем». Слово «прости» современному уху ничего не говорит совсем, а вообще оно означает «встаньте» — люди сидели, и в какой-то важный момент богослужения их приглашают встать. «Прости» дословно означает «прямо, встаньте прямо». Мы сейчас переводим так — «встаньте благоговейно». Это несколько описательный перевод, не буквальный, но по смыслу правильный. Все эти моменты в

богослужении сохранились, хотя их значение и смысл здорово подзабыты. А «вонмем» означает «будем внимательны» (к Премудрости Божьей).

Я сейчас не хотел бы утомлять вас долгим разговором об оглашении, долгим объяснением. Лучше вы узнаете в жизни, на практике, что это такое. Скажу только, что это очень благодатное время, когда человек может, имеет внутреннее право заниматься устройением своей духовной жизни для того, чтобы потом иметь силы помочь другим. Это тот небольшой отрезок вашей жизни, когда вы будете заниматься собой, своими проблемами, их устройением. Для этого, конечно, нужно слушаться катехизаторов, тех, кто будет совершать вот это священнослужение катехизации, таинство Слова, оглашения. Их требования будут минимальными, ибо мы предполагаем, что вы все — люди занятые, что живем мы с вами в очень трудных, тяжелых условиях огромного города, мегаполиса, с его особыми проблемами, что людям придется далеко ехать, что им надо работать, что у всех есть свои неудобства, опасности и все прочее. Но, во-первых, помните — оглашаемых особым образом хранит Бог, с оглашаемыми ничего никогда не случается плохого. Конечно, это не значит, что нужно быть простофилей. Я думаю, всем понятно: человек, который, как говорится, сам идет, нарывается на опасность, — он сам за себя отвечает. Но если человек вполне нормальный, то тут он очень хорошо почувствует, какой покров Божий будет над ним, ибо как бы рука Божия будет закрывать его, прикрывать от всякого рода зол, бед, напастей, опасностей. Я думаю, что для всех вас это важно знать.

Мы сами живем в тех же условиях, что и вы, и знаем, какие трудности есть в вашей жизни, знаем ваши нагрузки и ваши страхи, и ваши проблемы, и ваши сомнения. Именно поэтому весь самый большой по времени период оглашения, примерно больше полугода, вы будете встречаться в группах достаточно редко — ну, два раза в месяц. В древней церковной практике было несколько иначе: люди встречались два раза в неделю, но и жили они обычно в городах, по численности населения от пяти до сорока тысяч человек. Разница здесь очевидна. К тому же у них не было, так сказать, возможности каждому приобрести Священное писание и что-то еще — одно, другое, третье... У вас такие возможности есть, и вы все — люди грамотные. Уж наверняка. И значит, можете многое делать самостоятельно.

В древности оглашение взрослых людей, приходящих в Церковь, длилось два-три года. Если же человек прежде был, скажем, жрецом или имел профессию, принадлежащую, как сейчас бы сказали, к запрещенным (ну, это понятно, к самой древнейшей профессии и т. д.), или был идеологом языческим, то оглашение его продлевалось до пяти лет. В наше время, конечно, редко можно найти среди оглашаемых бывшего жреца, разве что жреца науки, а вот бывшего идеологического работника, работника ЦК, райкома, обкома или еще чего-нибудь подобного в Москве встречаешь не так уж редко. Сейчас много разных людей приходят в Церковь, и слава Богу. Кем бы человек ни был прежде, он все равно в первую очередь — человек, независимо от своего прошлого, от того, как он жил, хорошо или дурно, грешил больше или меньше, был ли прежде идеологическим работником или еще каким-то сотрудником, независимо от национальности, возраста, состояния здоровья, социального положения, имущественных обстоятельств, — и всякий человек призывается Богом и к Богу.

Но оглашение, тем не менее, проходит лично — и вместе, и у каждого по-своему. Нет шаблонов в духовной жизни — вот в чем дело. Я думаю, вы легко здесь со мной согласитесь: в духовной жизни шаблонов нет. Так же, как и с тем, что невозможно насилие в духовной жизни, и что невозможно создать систему таких шаблонов, по которым, так сказать, кроили бы духовную жизнь каждого. Не получится ничего, а если получится, — то не дай Бог, лучше вообще тогда ничего не кроить и не делать, пусть голос совести сам к чему-то приведет человека. А человек, выкроенный по шаблону, — это уже опасный человек.

В наше время действительно встречаются люди, которым нужно продлевать оглашение. Но редко бывает так. Как правило, все-таки можно уложиться меньше, чем за год, — правда, отчасти, может быть, это из-за наших немощей, из-за того, что у нас не хватает помещений, катехизаторов, каких-то книг и еще чего-то. Но как бы то ни было, все-таки большинство людей в наше время способно пройти полноценную катехизацию быстрее, чем это было в древности. И мы с вами будем на это рассчитывать, будем на это надеяться. Но еще и еще раз повторю: если кому-то из вас нужно будет больше внимания и времени, вы можете и на это рассчитывать, мы кроить по шаблону никого не хотели бы. Это в равной степени интерес и ваш, и наш, потому что мы понимаем, что духовная жизнь — вещь тонкая, и у каждого человека она немного по-своему, как-то особенно развивается и т. д.

А сейчас, может быть, я уже перейду к разговору о храме. Вот мы с вами в храме, и вы не должны стесняться, бояться храма. Не грех бояться, имея страх Божий, т. е. не грех быть благоговейным в храме, — это так. Но бояться, что тебя кто-то осудит, оговорит, дернет — такого страха быть не должно. А вы знаете, что очень многие современные люди не ходят в храм только потому, что они этого боятся, они боятся случайно сделать что-то не так, думают, что здесь существуют какие-то неписанные законы, и они, может быть, их нарушат, и тогда будет неприятность. И это их стесняет, они не хотят, чтобы их внутренняя жизнь, их какая-то внутренняя обращенность к Богу была связана с этими неприятностями. А такие неприятности, к сожалению, в ряде случаев бывают, во многих храмах бывают. Мы не будем осуждать этих старых, может быть, верующих людей, которые прошли через все советские годы. Им никто не прививал культуру, и поэтому ждать от них культурного отношения к людям трудно. Уж коли не дали им, что же мы будем спрашивать? Но тем не менее мы должны знать, как вести себя в церкви, что такое храм, что как в нем называется, какое имеет назначение. И тогда у нас никакого страха не возникнет, мы просто уже будем знать, всё ли мы делаем так, как надо, или что-то не так, и вот это очень важно. Чтобы открыть для вас дорогу к храму, я сейчас на этом остановлюсь.

Что такое храм? Ну, поговорим на примере нашего храма. Это немножко необычный московский храм. До революции и даже до конца 30-х годов он действовал. Это был один из самых красивых храмов Москвы, и один из самых стойких храмов, ибо в Москве в то время почти не оставалось действующих церквей. Но когда его перед войной закрыли, здесь сделали гараж. Все, конечно, разрушили, все мраморные иконостасы, всю красоту, и все забелили. Вот видите, мы начали расчистку замечательной, совершенно уникальной росписи, которая вдохновляла Михаила Булгакова на роман «Мастер и Маргарита». Эта роспись называется «Се Человек». Вот, Понтий Пилат показывает на Христа. Видите — на том самом балконе. Кто читал «Мастера и Маргариту», тот хорошо помнит эти слова. Залитая солнцем терраса, и эти слова: «Вот, Человек». Рука Пилата показывает на Христа в терновом венце. Храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках — уникальный храм, в нем многое сохранилось; еще многое в нем надо реставрировать, делать, но тем не менее здесь идут богослужения уже не один год.

Итак, входя в храм, сначала вы попадаете в притвор, или по-гречески «нартекс», потом — в сам храм. Человек, приближаясь к храму и входя в храм, действительно, должен замедлить свое движение, должен как-то постараться освободиться от суеты мыслей, движений, действий, от греховных мыслей, помыслов и замыслов, от всего того, что мешает ему во встрече с Богом и с ближними. Храм — всегда собрание церкви, и храм называется церковью постольку, поскольку в нем и собирается церковь. А церковь — это люди, это не здание, это люди, это собрание. По-гречески «церковь» — «эклисиа», что переводится — «собрание». Это тоже было бы хорошо всем взять на заметку сразу. Церковь — в первую очередь это люди, живые люди, причем не только священнослужители, конечно, а все верующие: и крещеные, и некрещеные,

если они верующие.

Вот, вы входите в храм, и перед вами напрямую — главный алтарь. Видите, он закрыт. Собственно алтарь — это тот престол, который находится за этой завесой, за этими вратами. В наше время они называются «царскими вратами», и через них никто не может проходить, кроме священнослужителей: епископа, священника или диакона. Другого, более низкого ранга священнослужители через них проходить не могут, они пользуются боковыми дверями, или диаконскими. Вот они, видите? Узкие небольшие двери.

Алтарь нужен для того, чтобы совершать главные священнодействия, главные таинства Церкви. Возвышение перед алтарем называется солея, на нее просто так вступать не нужно, потому что она тоже в основном используется для священнодействий, хотя здесь строгого запрета нет, если только не в части ее перед царскими вратами. Здесь есть выступ, который называется амвон (не все видят, к сожалению), и на эту часть наступать никому не нужно. Если вы хотите, допустим, поставить свечечку перед любым из образов, где есть подсвечники, то вы можете это сделать, если проход не закрыт. Во многих храмах солея закрыта специальными решетками, у нас — нет, у нас, как в древности, — открыто. Купив свечечку, вы можете благоговейно, спокойно подойти и поставить ее перед образом. Но если вы хотите, допустим, поставить свечу Спасителю, а потом — Божьей Матери, не переходите прямо по солее, а спуститесь, обойдите амвон, не наступая на него (он специально здесь выложен красным ковром, чтобы вы случайно не сделали ошибку), и только потом подойдите к другой иконе.

Аналой. Очень часто, когда вы входите в храмы, то видите, что в центре стоит икона, обычно главная икона данного праздника или храма. Сейчас у нас она, естественно, убрана просто из-за такого многочисленного собрания. И очень часто, если человек хочет поставить свечу, он ставит ее перед этой главной центральной иконой. Если какой-то праздник, то на аналой, на столик в центре храма, кладется именно икона праздника. Подойдете, поставите свечечку и помолитесь, можете приложиться к иконе, и все будет замечательно. Канун. Но если вы хотите поставить свечу за упокой души кого бы то ни было, то сбоку в храмах обычно есть так называемые кануны, т. е. отдельные столики, часто металлические, на которых ставится металлическое распятие, небольшое металлическое распятие — крест с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом. Не всем видно, но тот, кто сидит тут рядом, видит этот столик с металлическим распятием, и там много-много гнездышек для свечей, и всегда есть еще свободное пространство рядом. Это место — специально для заупокойных поминовений. Вы туда можете подойти, поставить тихонечко свечечку, предварительно обжегши ее с противоположной стороны, чтобы она приклеилась и не упала, а рядом вы можете положить любое приношение. Можно приносить какие-то маленькие пожертвования, обычно хлеб, вино, конечно, такое, которое может употребляться в церкви для богослужения, а не для распития, и уж конечно, в любом случае не водка и не крепкие напитки. Нельзя приносить мясо, рыбу, остропахнувшие продукты. Вы понимаете, что если храм начнет напоминать базар, — это совсем не то, что нужно. Часто приносят сладости разного рода, печенье, фрукты, ну, яички тоже иногда, чаще все-таки что-то типа блинов, в помин за упокой. Есть традиционные поминальные вещи: блины, мед, кутья (вареный рис с изюмом). Некоторые даже приносят торты и т. д. Это ваша возможность, это ваше право, это ваша жертва, которая идет на храм. Это я говорю потому, что иногда бывают такие курьезные случаи, когда люди, конечно, по наивности, принесут что-то в родительскую субботу, помянут своих родных, близких, подадут через ящик, где продают свечечки, записочку за упокой и за здоровье, потом кладут на этот поминальный столик свои приношения, а когда кончается служба, кидаются все это забирать обратно. Действительно, это немножко смешно, но мне приходилось это видеть. Ну, все это просто потому, что не знают, что и как.

Вот я упомянул ящик. Это то место, где, прежде всего, продают свечи. В нашем храме, видите, здесь еще множество всяких книг. Храм-то нам передали, а храмовые помещения, которые когда-то принадлежали храму, передать забыли, ничего не передали, поэтому у нас совершенно ничего нет, никакого домика на сегодняшний день, и просто негде разместиться. А ведь вам нужны эти книги. Здесь и Священное писание, конечно, и другая религиозная литература. Это, как правило, православная литература, а если в отдельных случаях внешне не православная, то та, которая полезна для чтения православным людям. И тут все — и просфоры, и церковные календари, и иконы, и крестики — вообще все-все-все для вас. В нормальном случае все это нужно было бы из храма убирать. Все-таки не случайно в Евангелии говорится, что нельзя дом Божий делать домом торговли. В нормальном случае этого быть не должно. Даже свечи нельзя было бы продавать в храме, а лучше сделать какой-нибудь маленький лоточек рядом с храмом. Но для этого и нужно иметь свою территорию и какие-то помещения. Видите, пока это все еще переходный период. Я надеюсь, со временем это все будет сделано во всех храмах, и в нашем, конечно.

Я уже рассказывал о центральном алтаре, но в большинстве храмов есть еще дополнительные алтари, так называемые приделы. Только не путайте притвор с приделом. Приделы — это маленькие церковки как бы внутри одного пространства храма. Раньше, до закрытия храма, здесь тоже было три таких алтаря: центральный и два боковых. Они и пристроены позже. Главная церковь — XVII века, а приделы — это уже XVIII-XIX век. Видите, какой великолепный стиль модерн был когда-то. Ну, сейчас боковых приделов нет, в них и нужды нет. Но сохранилась часовня, древняя часовня, которая, когда выросли эти приделы, была включена в пространство храма, хотя и автономно: вход в нее с угла улицы, перекрестка. Но есть и внутренний проход, он используется для служебных целей.

Вот то пространство наверху — это хоры. Обычно хор стоит в конце, на концах солеи, и эти концы называются клиросами. И сам хор называется клиросом: правый клирос, левый клирос, а хористы — клирошанами. Все это такие, несколько непривычные для вас, наверно, слова. Но хор не обязательно должен стоять на солее, для хора могут быть и специальные помещения, как те самые хоры. Перед иконами стоят подсвечники, в принципе вы можете ставить свечу перед любой иконой, какая вам нравится. Есть своеобразные приметы, что вот такой-то святой помогает от того, другой — от другого. Ну, это такое «народное благочестие». Оно церковь как бы принимает, хотя и достаточно сдержанно, потому что к этому слишком легко прилипают очень напоминающие язычество вещи, которые предполагают уж очень утилитарное отношение и к вере, и к святым, и к канонам.

Далее, еще одно, может быть, последнее, правило. Все в храме, как вы уже, наверно, догадались, сориентировано на главную святыню. Какая в храме главная святыня? Кто знает? Совершенно верно, вот брат сказал — это престол. Главная святыня — это всегда престол, т. е. алтарь. Ну, мы его сейчас называем престол, потому что в нашей поздней традиции алтарем стали называть не только тот стол, на котором совершается священнодействие таинства, но и все пространство вокруг, которое закрыто иконостасом и завесой. Все связано с престолом, хотя вы его и не видите. А поэтому и неудобно стоять спиной к нему или даже боком. Все сориентировано на восток, к престолу. Поэтому когда вы входите в храм, не вставайте ни боком, ни спиной к престолу, кроме как с какими-то функциональными нуждами, например, вы подошли к ящику, и, понятно, что при этом вы не можете стоять к нему спиной, чтобы стоять лицом к алтарю.

Некоторые немного стесняются в храме, не знают, как вести себя, поэтому закладывают руки назад, стоят в каких-то несколько неестественных позах или еще как-то. Это, конечно, не принято делать. Будьте свободны, и это будет хорошо. И при этом — благоговейны. Если вы

вошли в храм, то помните: вы сориентированы всегда на восток. И вот это — центральная ось, как бы линия пути от входа к алтарю, к главному входу в алтарь, к царским вратам, к престолу, я бы назвал ее даже «красной линией». Именно на этой «красной линии» будет стоять центральная икона. А когда вы пересекаете «красную линию», как бы проходя мимо престола, то положено повернуться лицом к престолу и, перекрестившись, слегка поклониться, воздавая этим честь главной святыне. Повторяю, главная святыня — престол, даже не та или иная икона, пусть и чтимая, пусть и чудотворная; в храме все свято, но вот есть главная святыня, центральная — святой престол.

Старайтесь в храмах, конечно, не шуметь лишней раз, не разговаривать. Если вы не одни пришли, то понятно, что какой-то разговор может продолжаться, но, чтобы не мешать другим, он должен быть тихим, благоговейным и связанным с тем, где вы находитесь. Даже если у вас очень хорошее настроение, радостное, замечательное, ведь можно прийти с радостным настроением в храм, пожалуйста, и прекрасно, и не случайно в Писании говорится, что Царство Божие есть радость в Духе Святом, то пусть эта радость будет все-таки не слишком бурно выражаемой, потому что рядом с вами могут быть другие люди, которые пришли, может быть, совсем не с большой радостью, а может быть, с какими-то переживаниями, болями, скорбями. Не мешайте им. Наоборот, помогите, если можете.

Если вы видите, что кто-то что-то делает не так, по незнанию или еще по каким-то причинам, нужно потерпеть, если это возможно, или, если надо сделать замечание, делайте это, ради Бога, без раздражения, без грубости, спокойно и вежливо. Нам всегда самим неприятно, когда к нам обращаются иначе, но почему-то, когда мы чуть-чуть что-то узнаём и других начинаем как бы наставлять, тут мы чувствуем себя хозяевами и начинаем вдалбливать в других это свое, как правило, мизерное знание. Избегайте этого. Это будет слишком похоже на фарисейство и ханжество, и это не оправдывается ничем. В Церкви от нас всех требуется смирение, то есть, как мы с вами уже говорили, умение знать себе меру и сохранять внутри себя мир. Мир, мера — корни слова «смирение». Иначе вы будете мешать всем, а вам всё и все будут мешать.

И наконец, уж коли мы с вами пришли в храм, то я должен сказать, что есть еще одно небольшое правило. Правда, оно в первую очередь касается женщин. Это связано с традицией русской церкви. В других православных церквях и неправославных христианских церквях может быть иначе. Да, правильно говорят некоторые сестры, понимая, к чему клонится речь. В русской церкви принято, чтобы женщины в храмах были с покрытыми головами. Причем, летом или зимой — все равно. Ну и, конечно, если вы сидите, то сидеть надо благоговейно. Если уж у вас есть такая возможность сесть в храме, то не надо, например, класть ногу на ногу, да? Некоторые сразу поправились, и я очень рад, что вы слушаете не абстрактно то, о чем я вам говорю. И, насколько это от вас зависит, старайтесь иметь в храме достаточно красивую, чистую, простую и скромную одежду. Когда вы специально собираетесь в храм, то даже если вы привыкли красить губы, как-то краситься, постарайтесь, чтобы этого было как можно меньше у вас на лице. Благодать, если она коснется вас, вашего сердца, даст вам красоты несоизмеримо больше, чем даже самая хорошая губная помада. Уверяю вас, это так. Ну, понятно, то, что касается одежды, ее скромности и чистоты, это требуется и от мужчин. В нормальном случае люди верующие приходят в храм хорошо одетыми. Правда, у нас все еще очень мало храмов, и иногда бывают такие толпы и давки, что тут если как следует оденешься, то неизвестно, во что это все превратится к концу службы. Но все-таки сейчас храмов стало больше. Я надеюсь, их будет еще больше, и эта проблема снимется. Конечно, человек в храме смотрится особенно хорошо, когда он одет красиво, чисто, опрятно и пусть даже немного торжественно.

Впрочем, я тут должен оговориться и сказать совершенно откровенно, честно, что когда я

вижу, что некоторых людей выгоняют из храма только потому, что женщина пришла в брюках, или у нее накрашены губы, или не покрыта голова, то у меня сердце кровью обливается. Я считаю, что это недостойное, ханжеское поведение. Да, хорошо, когда женщины с покрытыми головами, не в брюках и т. д. Ну конечно, это лучше, но все-таки если человек идет к Богу, выгонять его из храма по этим причинам нельзя. Я думаю, что если человек идет, допустим, с работы, а сейчас очень много такого рода сфер деятельности, где женщине значительно удобнее быть в брюках, и вот ей по сердцу хочется зайти в храм, а она думает: «Ах, я в брюках, поэтому в храм не пойду», то пусть лучше она в брюках придет в храм, чем станет ждать, когда подготовится внешне, или чем вообще будет проходить мимо храма каждый раз. И если вы не очень хорошо себя чувствуете, то лучше сидеть в храме, чем стоять и думать: «Когда же все это кончится?» Согласны? Вот и хорошо.

А теперь встанем и будем молиться о тех, кто начинает первый этап своего оглашения, и потом разобьемся на малые группы по дням недели, на утро или вечер, как вам будет удобнее.

Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас): Человек — священник творения (К проблеме экологии)

Богословие и философия

Предмет, о котором будет говориться ниже, касается одной из самых острых и насущных проблем среди тех, с которыми мир сталкивается сегодня. Нет никакого сомнения, что тогда как все другие проблемы, стоящие перед человечеством, касаются лишь благосостояния мира, экологическая проблема затрагивает само существование мира. Вопрос не в том, будет ли мир лучше или хуже, но выживет он или нет. Это делает экологическую проблему тем камнем преткновения, который церковь не может не замечать или мимо которого пройти, поскольку Церковь и богословие как раз для того и существуют, чтобы свидетельствовать о спасительном Слове и Действии Бога. Следовательно, если мир находится под угрозой полного уничтожения, как это происходит сегодня, церковь не может оставаться безгласной.

К сожалению, церковь еще слишком мало сделала для решения этой проблемы. Но кажется, благодаря некоторым инициативам, особенно со стороны Вселенского патриархата, мы начинаем понимать, что церкви есть что сказать по этому поводу. Предыдущий Вселенский патриарх Димитрий в своем послании от 1 сентября 1989 года указал на всю серьезность проблемы окружающей среды. Он призвал сделать 1-е сентября, первый день церковного календаря, — днем, когда вся Православная церковь ежегодно возносила бы Богу молитвы о защите окружающей среды. Также он поручил одному монаху-гимнографу из Афонского монастыря написать специальный молебен для ежегодного служения 1-го сентября.

Кроме того, в ноябре 1991 года Вселенский патриарх организовал всеправославную конференцию на о.Крит. В ней приняли участие все православные церкви мира, причем в состав их делегаций входили не только епископы, но также богословы и ученые. Нам была оказана большая честь присутствием принца Филиппа, герцога Эдинбургского, чье приветственное обращение получило высокую оценку православных участников конференции. Я думаю, что находки и решения этой встречи будут иметь огромное значение еще долгие годы, особенно по мере того, как поместные церкви будут все больше и больше осознавать, что они должны сделать что-либо для решения этой серьезной проблемы.

Как гласит название этой статьи, реальный вклад православного богословия в решение проблемы окружающей среды может состоять в том, чтобы напомнить то, что составляет самое сердце этого богословия, а именно, что человек — человеческое существо — есть «священник творения». Что это значит и как это связано с проблемой защиты окружающей среды, с которой мы сталкиваемся?

Что такое человек?

Мы не можем приступить к рассмотрению вопроса о человеке как священнике творения без предварительного понимания того, что такое человек, человеческое существо как таковое. (Говоря «человек», я имею в виду и мужчину, и женщину и надеюсь, что не буду понят неправильно, особенно сегодня, когда люди столь щепетильно относятся к этому вопросу. Когда я говорю «человек», я всегда имею в виду то, что по-гречески звучит как *anthropos* и означает одновременно и мужчину, и женщину. Поэтому и далее «человек» будет пониматься именно в этом смысле).

Что же это за существо — «человек»? На этот вопрос пытается ответить не только богословие, но и наука, и философия. Хотя каждая из этих трех дисциплин говорит об этом по-разному, в их подходе к человеку не может не быть чего-то общего, поскольку в противном случае из-за фундаментальных разногласий не было бы никакой возможности для диалога между ними.

Для науки — для биологии особенно — человеческое существо очень тесно связано с тем, что мы называем животным; он или она — просто еще одно животное. Такое видение стало главенствовать в науке с тех пор, как Дарвин сформулировал свою теорию эволюции. И как бы вызывающе это ни звучало для богослова, мы не должны, как мы увидим позже, забывать о важности этой связи человека с животными. Биология подходит к человеческому существу как к животному, наделенному более высокими качествами, нежели у остальных животных, но имеющему с ними много общего, включая интеллект и самосознание. В прошлом подобные свойства обычно приписывались исключительно человеку. Однако сегодня для ученых-биологов человеческое существо есть, в определенном смысле, в своей основе — животное.

Философия пытается смотреть на человека по-другому. Хотя она и утверждает, что человеческое существо есть животное, она отличает его от животных в одном важном аспекте. Раньше философы определяли это различие, говоря, что для людей характерны разум или рациональность поведения. Но с тех пор, как Дарвин показал, что другие животные тоже обладают интеллектом, отличаясь от человека лишь его уровнем, а не типом, философия уже не настаивает, что разумность есть специфическая характеристика человека.

Теперь это различие видят в том, что если животные приспосабливаются к данному миру — и подчас у них это получается очень хорошо, гораздо лучше, чем у людей, — то человек хочет создать свой собственный мир, использовать уже существующий мир для того, чтобы сделать из него что-то специфически человеческое.

Вот почему человек производит собственные орудия, используя их для эксплуатации природы. Однако еще более знаменательно, что к природе он относится как к сырьевому материалу, из которого творит новую реальность, — особенно хорошо это проявляется в искусстве. Только человек может увидеть, например, дерево, и создать из этого дерева другое, являющееся «его» или «ее» деревом, несущим личную печать того, кто его изобразил. Таким образом, именно способность к творчеству есть то, чего нельзя найти у животных. Человек — существо творческое. Это очень важно, как мы увидим позже, также и для богословия.

В попытке быть творцом и создать свой собственный мир человек обыкновенно терпит неудачу, поскольку стремится и хочет творить из ничего, как Бог, и быть полностью свободным от того, что дано ему как его среда обитания, как его «мир». Причина этого та, что человек имеет склонность использовать природный мир в своих собственных целях, что сам он может быть по отношению к творению и хорошим и дурным. Он может эксплуатировать творение путем подчинения его себе, заставляя окружающую среду страдать от господства человека.

Все это говорит нам, что отличие человека от животного есть свобода, выраженная в творческой способности, в свободном творении чего-то нового. Нам полезно будет помнить две идеи, очень важные для предмета нашего обсуждения. Первую мы находим в биологии — она состоит в том, что человек органически и неразрывно связан с природным миром, в особенности с животными. Вторая — что несмотря на свою связь с остальным творением, человек стремится подняться над ним и свободно использовать его, создавая новое или, зачастую, просто разрушая то, что ему «дано».

Принимая в расчет эти научные и богословские рассуждения, давайте снова спросим: что думает богословие о человеке? Для богословия человек соотносится не только с остальным творением, но и с другим фактором, который наука не хочет принимать во внимание, а философия иногда хочет, но слишком часто — нет, а именно — с Богом. С точки зрения богословия Бог есть ключ к пониманию человека. Человеческое существо должно выявиться как нечто отличное, как иная идентичность, соотносящаяся с животным миром, с остальным творением и с Богом. Таким образом, человек есть связующее звено между Богом и миром. Это то, что в богословских терминах выражено в идее «образа и подобия Божия».

Согласно Библии, создавая человека, Бог сказал: «Создадим человека по образу и подобию Нашему». Что это значит? Что значит, что человеческое существо есть образ Божий? Это обсуждалось на протяжении многих веков, и я не буду утомлять вас тонкостями этих дискуссий. Хочу лишь отметить, что одним из элементов, отражающих «образ Божий» в человеке, согласно свв. отцам, является разум (logos), человек есть *logikon zoon* ("разумное животное"), и именно благодаря своей разумности он может отражать бытие Божие в творении.

Однако понятие *logos* или «разум» в то время имело совершенно особое значение, связанное главным образом со способностью человека собирать в единое целое все разнообразное и даже разрушенное в этом мире, создавая из этого цельный и гармоничный мир (*cosmos*). Разумность тогда еще не понималась, как это стало впоследствии, как просто чья-то способность мыслить посредством ума. В понимании древних греков *logos* есть способность человека достигать единения мира, создавать из него *cosmos*. Человек обладает способностью единения мира.

Есть и другой элемент, который, как отмечают отцы, выражает «образ Божий». Это то, что св. Григорий Нисский называл *autexousion* — свобода человека. Животные не имеют ни *logos* а в смысле достижения всеобъемлющего охвата реальности, ни свободы от законов природы; тогда как человек обладает в той или иной степени обеими этими способностями, и это для него крайне важно, как мы увидим ниже, именно потому, что он призван быть священником творения.

Другой аспект образа Божия в человеке — или, скорее, другой аспект того, чем человек является или представляется богословию, в особенности православному и святоотеческому богословию, — это то, что человек есть «князь творения» и микрокосм всего творения. Один из отцов VII века, св. Максим Исповедник, особенно развивал эту мысль: в человеке мы имеем присутствие всего мира, микрокосм всего универсума. Именно потому, что человеческое существо органически связано с творением и в то же время имеет внутренний импульс к единению творения и к независимости от законов природы, он может действовать как

«священник творения».

Кто такой священник?

Священник — это тот, кто берет в свои руки мир, чтобы отдать его Богу, и в ответ приносит Божье благословение на то, что он Богу отдает. Через этот акт творение вступает в общение с Самим Богом. В этом сущность священства, и только человек может совершать это — воссоединять мир в своих руках, чтобы принести его Богу, дабы мир, соединившись с Богом, смог обрести спасение и исполнение.

Человек как священник творения совершенно необходим самому творению, поскольку без этого отнесения творения к Богу весь тварный универсум погибнет. Он погибнет, поскольку, как теперь признают многие ученые, он конечен. В богословии же это является фундаментальным верованием, так как мир существовал не всегда, а пришел к бытию в определенный момент, и значит, будет «естественным образом» иметь свой конец, однажды уйдя в небытие.

Таким образом, единственный путь защитить мир от его конечности, изначально присущей его природе, — сделать так, чтобы он вступил в отношения с Богом, поскольку один лишь Бог бесконечен и бессмертен, и только приобщившись Ему, мир сможет преодолеть свою природную конечность и природную смертность.

Другими словами, создавая мир конечным, и следовательно, естественно подверженным смерти, Бог хотел, чтобы этот мир жил вечно и был соединен с Ним, то есть был с Ним в общении. Именно по этой причине Бог и создал человека. Это подчеркивает значение человека как священника творения, долженствующего объединить мир и соединить его с Богом, дабы мир мог жить вечно.

Сейчас же человек не исполняет этого предназначения, и в этом для богословия лежит корень экологической проблемы. Человек подвергся искушению сделать последней точкой отношения себя, а не Бога. Заменяв Бога собой — конечным существом, человек обрек мир на конечность, смертность, разложение и гибель. Другими словами, человек отказался от роли священника творения, вместо этого сделав себя Богом в творении.

Это мы и называем в богословии «падением человека». Когда это произошло, Бог не захотел, чтобы мир погиб, и нашел путь для восстановления утерянной связи между Собой и творением. Воплощение Сына Божия было связано именно с этим. Христос

пришел сделать то, чего не сделал Адам: стать священником творения. Через Свою смерть и воскресение Христос устремился именно к этому единению и общению всего творения с Богом, к возвращению творения Богу. Именно по этой причине Христос назван «вторым» или «последним Адамом», и это Его действие рассматривается как «воссоединение под главою Христом» (anakefalaiosis) всего сущего.

Поэтому мы должны взирать на Христа не просто как на индивида, умершего на кресте за наши души, Его миссия — Его жизнь, смерть и воскресение — значима для всей вселенной, а не только для человека, хотя и через человека. Христос пришел, чтобы весь мир мог жить, и чтобы человек мог стать тем, кем он был призван быть при своем сотворении Богом — священником творения.

Теперь это призвание, которое Христос исполнил лично Своим крестом и воскресением, Он передал Своей Церкви, которая есть Его Тело. Церковь существует здесь именно для того,

чтобы совершать дело Христово, быть священником творения, который объединяет мир и возвращает его Богу, приводя мир к общению с Ним. Это совершается в Церкви, в особенности в таинствах.

Значение таинств — например, крещения, — состоит в том, что через него положение падшего Адама полностью переменяется. Человек умирает для своего притязания быть Богом творения и взамен признает Бога своим Господом. Путем аскезы Церковь научает человека приносить в жертву свою волю, свою самость и эгоцентризм, свободно предавать себя воле Божией, показывая тем самым, что человек полностью изменил положение первого Адама. Наконец, через Евхаристию Церковь возвещает и реализует именно это священническое призвание человечества. Евхаристия состоит в том, что элементы природного мира — хлеб и вино, начатки сотворенного материального мира, берутся и отдаются в руки человеческого существа, в руки Христа, Который есть человек *par excellence* и священник творения, дабы Он принес их Богу.

Здесь важно вспомнить — особенно тем из нас, кто принадлежит православной церкви или знаком с православной литургией — что в центральный момент нашей литургии предстоятель возглашает: «Твое из Твоего Тебе приносим...» Это как раз и означает, что мир, творение, признает себя принадлежащим Богу и возвращается к Богу. Это и есть изменение положения Адама, который брал мир как свою собственность и приносил его себе.

В таинстве Евхаристии Церковь совершает точно противоположное: мир принадлежит Богу, и мы возвращаем его Творцу через священнический акт Христа как настоящего и истинного Человека, Который есть глава Тела Церкви.

Богословие и проблема экологии

Подходя к экологической проблеме, мы видим, что ее корни в том, что люди отделили себя от остального творения. Вот настоящий корень проблемы: человек отсек себя от остального творения и стал считать себя самодостаточным. Из этой идеи выросло целое богословие, особенно на Западе, — начиная с бл.Августина, полагавшего, что существо человека заключено в его душе — в человеческом разуме или уме.

Такой, в сущности платонический, взгляд, боюсь, был слишком легко принят также и многими христианами Востока, пришедшими к обесцениванию материального аспекта человеческого существа. Тем не менее, наше православное вероучение подчеркивает, что тело, объединяющее нас с остальными животными в материальном мире, есть существенная часть нашей идентичности как человеческих существ. Человек не есть лишь духовное существо, он, как сейчас правильно говорят, есть существо психосоматическое, и следовательно, наша связь с материальным миром абсолютно необходима для нашей идентичности. Без этой связи мы не можем существовать в качестве людей.

Вот почему мы верим, что в Царстве Божием, когда Христос придет снова, как сказано в Символе веры, мы увидим воскресение тела: «Верую в воскресение во плоти...» Без воскресения наших тел мы не станем людьми вполне. О.Георгий Флоровский, один из величайших богословов нашего времени, говорил, что тело без души — труп, а душа без тела — фантом, призрак. Человек должен сохранять свою связь с материальным миром, и это важно также для спасения самого мира, поскольку человек — связующее звено между творением и Богом.

Именно по этой причине Сын Божий стал человеком, а не ангелом. Он облекся в человеческую природу, поскольку хотел спасти все творение в целом, а не только души и умы. Таким образом,

когда богословы подчеркивают духовный аспект человеческого существа в ущерб материальному, они способствуют возникновению экологической проблемы.

Более того, заповедь Божия, которую мы находим в книге Бытия: «размножайтесь и владейте над землею...» часто толковалась довольно утилитарно, в особенности на Западе. Как следствие, человек понимался как существо, могущее делать с остальным творением все, что он захочет, дабы властвовать над землею.

Представляется, что такой богословский подход сильно способствовал появлению в нашей культуре позиции человека, которую можно выразить примерно так: «Мне нет дела до того, что произойдет с материальным миром. Я — центр мира. Я здесь, чтобы наслаждаться и удовлетворять себя, и мир существует для того, чтобы удовлетворять мои потребности, потребности человека». Все это говорит нам, что проблема экологии в целом — проблема главным образом духовная, а не только практическая или научная. Человеческий эгоцентризм — я господин мира, и мир должен служить мне — лежит в основе экологической проблемы. Если мы не откажемся от подобного отношения, человечество будет продолжать разрушать мир и, без сомнения, страдать от последствий.

Сегодня эти последствия становятся все более очевидными и угрожающими. Человек уже начинает беспокоиться: «Что же это происходит? Я думал, что я господин природы, а она восстает против меня... Что мне делать?..» Человек использует науку в целях более интенсивной эксплуатации природы, но это приводит лишь к дальнейшему осложнению проблем, и чем дальше продвигается наука, тем сильнее восстает природа и тем больше проблем возникает.

Сталкиваясь с этим, человек пытается найти другие решения, например, законодательные. Проблема отдается на откуп политикам, от них ожидают принятия новых законов, запрещающих то и это, в надежде, что таким образом природа может быть спасена. Но это никогда не работает, так как при системе выборности, на которой основаны демократические парламенты, голосующие люди привносят свое искаженное духовное отношение, основанное на эгоцентризме, желая получить все больше и больше, и редко готовы терять свои привилегии и чем-то жертвовать. Поэтому политическая и законодательная власти сами по себе, без всестороннего духовного преобразования, не могут привести к решению экологической проблемы.

То же можно сказать и об этике, поскольку этика есть тот же набор правил, которые мы призваны соблюдать. Однако, существуют такие противоречия между различными этическими системами и правилами, что в данное время человек уже не в состоянии разобраться, что правильно, а что нет. Правильно ли, например, снижать производство, чтобы не загрязнять атмосферу, если при этом мы увеличиваем безработицу с риском оставить людей голодными? Где здесь правильный ответ?

В Греции, в небольшом городке Лаврион, что недалеко от Афин, несколько лет назад возникла огромная проблема. Правительство в целях защиты окружающей среды законодательно запретило функционирование фабрик и производств в регионе. В результате рост безработицы выплеснулся в демонстрации против закрытия фабрик. Теперь власти рассматривают вопрос об их открытии снова. Как поступить правильно в подобном случае? Часто мы должны выбирать из двух зол.

Все это приводит нас к осознанию того, что ни этика, ни законодательство, ни наука не могут решить проблему экологии. И поэтому роль Церкви в современном мире неизмеримо возрастает. Мы сейчас нуждаемся в новом подходе, в новой ментальности, в новом этосе, и все

это можно обрести с помощью церкви. Все это было в течение веков, по крайней мере в православной церкви, где верующие воспитывались через посты, почтительное отношение к материальному миру и литургическое понимание того, что творение принадлежит Богу. В этом смысле люди были менее эгоцентричны, чем мы теперь. И пока мы не восстанем против человеческого эгоцентризма, во всеуслышание заявляя, что человек участвует в творении не для обладания им, но для приношения его Богу, экологическая проблема будет только усугубляться, а ее последствия будут действительно очень серьезны.

Только тогда, когда человек научится быть священником творения — в том смысле, о котором мы говорили выше, мы сможем надеяться, что будет выработан правильный подход к решению экологической проблемы, с которой мы сталкиваемся сегодня.

Перевод с английского А.Быкова, С.Зайденберга

* Metropolitan John of Pergamon. Man the Priest of Creation. A Response to the Ecological Problem. Опубликовано с разрешения издателей по: Living Orthodoxy in the Modern World. Edited by Andrew Walker and Costa Carras, London, 1996, с.178-188

Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас) — епископ Константинопольского патриархата и академический богослов. В прошлом — профессор систематического богословия университета г.Глазго, в настоящее время — профессор догматики университета г.Фессалоники, внештатный профессор систематического богословия в Королевском Колледже, в Лондонском университете. Он также преподаёт богословие в Григорианском университете в Риме и в Женевском университете. Наиболее известна его книга — Being As Communion (Бытие как общение) (DLT, 1985). Также митрополит Иоанн является консультантом Вселенской патриархии по богословию и ее официальным представителем во многих иностранных отделениях, включая Центральный Комитет Всемирного Совета Церквей, а также комиссию «Вера и церковное устройство», международную англиканско-православную богословскую комиссию, православным сопредседателем которой он является. Принимает активное участие в инициативах Вселенской патриархии, направленных на защиту окружающей среды.

Эндрю Уокер: Пророческая роль православия в современной культуре

Богословие и философия

Со времен Средневековья до недавнего времени пророчествование на Западе принимало различные формы — от зловещих предсказаний (например, Джироламо Савонаролы в XV веке) до претенциозной самонадеянности (например, основателя Mormonской церкви Джозефа Смита в XIX веке). В настоящее же время роль пророка как правило интерпретируется в трех направлениях.

В либеральных церквях она обычно трактуется политически — пророки этого толка вынуждены поддерживать одну партию против другой. Забота о нищих и угнетенных, укорененная в библейском откровении, становится оправданием социальной или освободительной проповеди, которая в конечном итоге часто перестает иметь что-либо общее с Благовестием. Пророки такой религии несут в себе черты агитатора или романтически настроенного активиста — последователя скорее Маркузе, нежели Моисея. В фундаменталистских и консервативных протестантских кругах пророчество — это дань религиозному энтузиазму, выражающемуся либо в хилиастических, либо в экстатических терминах. Хилиасты — такие, как

телепроповедник Джек Ван Имп, — трактуют эсхатологию не как Страшный суд, но как Второе пришествие. Адвентистские пророки исследуют Писания, главным образом апокалиптические места, стараясь отыскать и разглядеть знаки «конца времен». Харизматические церкви стремятся подчеркнуть особое значение божественного вдохновения, часто в ущерб и против Предания и священного текста — как будто есть способ отделить *rhema om logos* (*rhema* от *logos* (греч.) — речь от слова, т. е. отделить *logos*, здесь — божественный глагол, слово Божие, от *rhema* — от человеческой речи, от тех слов, в которые облечено это божественное слово. — Прим. ред.) — или же настаивают на том, что сиюминутные и непосредственные откровения имеют ту же ценность, что и богооткровенное Предание. Пророков такой религии можно поставить в один ряд скорее с Монтаном, чем с Марком Отшельником.

Пророческая функция

Надо признать, что обе эти консервативные протестантские традиции действительно отражают — хотя и не без искажений — некоторые аспекты православного учения. Св. Иринея, например, включил хилиастические идеи в свою апологию Обличение лжеименного гнозиса, а св. Симеон Новый Богослов подчеркивал, что божественное вдохновение должно быть нормой для христианина в его духовной жизни. Однако эти менее известные пророческие традиции — не сердцевина понимания пророчества в Православной церкви. Чтобы выяснить, каково же это понимание, прежде всего откроем *Катехизис* свт. Филарета Московского, где можно прочесть следующее: «Помазанниками издревле называли Царей, Первосвященников и Пророков. Почему же Иисус Сын Божий называется Помазанником? Потому, что Его Человечеству безмерно сообщены все дары Духа Святаго, и таким образом Ему в высочайшей степени принадлежит ведение Пророка, святость Первосвященника и могущество Царя». (Пространный христианский катехизис..., ч. I. — Прим. ред.) В святоотеческую эпоху взаимосвязь представлений о Христе как о царе, священнике и пророке постоянно находилась в творческом напряжении. Однако, все эти звания имеют одну общую черту — они являются харизмами человечества Христа, дарованными через помазание от Духа Святого. О. Александр Шмеман, привлекая ранние источники, напоминает нам в своей книге *Водой и Духом*, что когда Иисус вышел из вод Иордана после Своего крещения, впервые была явлена истинная природа Сына Божия. Это было откровение Св. Троицы, и Иисус, выходящий из вод, был, так сказать, способом показать божественное достоинство Того, кем Он был в действительности. Полное же достоинство Иисуса как человека, однако, выявилось в том, что получив Святого Духа от Отца, Он был помазан быть величайшим из пророков, нашим единственно истинным Первосвященником и высшим Посредником между Богом и человечеством, и нашим непреходящим Царем — единственным, кто правит с истинной властью и абсолютной справедливостью. О. Александр Шмеман утверждает — как бы ни было нам страшно принять это — что и наше крещение и последующее за ним миропомазание — это также действие Св. Троицы и призыв к этим трем служениям, так что мы можем уподобиться Христу в нашей помазанной человеческой природе. Теперь мы привиты Телу Христову через воды крещения силою Духа Святого и утверждены Отцом быть сонаследниками Христу. И мы тоже призваны быть пророками, священниками и царями. Вот почему богословие св. Иринея столь фундаментально для Православия. Он подчеркивал, что Воплощение есть событие, дающее возможность людям действительно стать теми, кем они призваны быть: не просто возвратиться к райской невинности и к (навечно утерянной) непадшей плоти Адама, но быть воссоединенными под главою Христом в Его новом человечестве как сонаследующие с Ним в грядущем Царстве Отца. Нам позволено быть сонаследниками в этом Царстве только благодаря тому, что мы стали членами этого нового народа через усыновление в божественную жизнь Христа. В Новом завете наш Господь называется вторым или последним Адамом (1 Кор 15: 45), так как Он есть начало и источник этого нового человечества, но также и его апофеоз или исполнение. «Облечься во Христа» значит, таким образом, стать по благодати тем, кем

только Он является по природе. Эта благодать также позволяет нам обрести харизмы Христова помазания. Можно сказать, что в Воплощении открывается грядущее Царство, поскольку Воплощение отмечает начало «эсхатологического» времени: конца времен, когда Бог из будущего (эсхатона) вступает в пространственно-временной континуум тварного существования. В этот решающий момент истории — когда эсхатологическое время онтологически входит в наше человеческое состояние — будущее тварного космоса и всех людей, облекшихся во Христа, предопределено быть более великим, чем даже райское прошлое человека. Эдем, однако, был миром, где люди знали нечто о пророчестве, священстве и царственности. До грехопадения мужчина и женщина пребывали в общении с Богом. Они были запечатлены Божьим отпечатком или образом, созданы по Его подобию. Адам и Ева, по памяtnому выражению о. Александра Шмемана, были «заговорившей материей»: Божьими пророками или «представителями» в мире. В то же время они были и священниками, поскольку как человеческие существа, как носители образа Божия они обладали уникальным свойством — они могли быть посредниками между тварным миром и Самим Богом. Они приносили Бога в мир, и мир — обратно Богу: «Твое из Твоего Тебе приносим», — как в словах евхаристической молитвы. Люди были также и царями, но не в смысле верховных правителей, а подобно регентам или царским домоправителям в благом Божьем творении. В оставшейся части этой главы я хотел бы подробнее остановиться именно на пророческом служении, хотя оно, как мы уже видели, в действительности неотделимо от нашей царственности и нашего священства, дарованных нам на заре мира и ныне возвращенных нам во Христе. Назначение пророчества очень просто, и я попробую выразить его в простой фразе: быть пророком — значит познавать и возвещать замысел и волю Божью. Это грехопадение скрыло от нас это знание, точно также, как оно извратило данную нам Богом царственную власть и ослабило нашу природную предрасположенность быть посредниками между тварью и Богом. На страницах Ветхого завета мы постоянно читаем о людях, имевших эти вспышки внутреннего озарения — о людях, которые, кажется, были способны восстановить связь с изначально созданным человеком, прозревающим Божий замысел и могущим возвещать Его волю. Это Моисей и Илия, или Иеремия, Амос и другие пророки. Но в Новом завете наш величайший пророк — это Господь Иисус, и мы, как Его крещенные ученики, призваны следовать по Его стопам. Слова апостола Павла говорят об этом недвусмысленно: «Так что, если кто во Христе, тот новая тварь: древнее прошло, вот наступило новое» (2 Кор 5: 17). Достаточно странно, но многим кажется трудным соотносить пророческое служение с нашим Господом, поскольку мы думаем об Иисусе как о нашем Спасителе, или как о Божестве, или как о Богочеловеке. В то время, как Послание к евреям указывает нам на Христа как на нашего Первосвященника, а в православной традиции Иисус достаточно долго ассоциировался с Судией-Царем (Pantokrator), чье Царство не будет иметь конца, слово «пророк» вовсе не приходит автоматически нам на ум. Я подозреваю, что это происходит потому, что мы привыкли отделять нашего Господа от последнего из величайших ветхозаветных пророков — Иоанна Крестителя, Предтечи ожидаемого Мессии. Но очевидно, что правильно и естественно видеть во Христе по Его человечеству — пророка, новую тварь, нового человека, того, кто знает и выражает замысел и волю Божью. Евангелист Лука наиболее важен для нас из всех четырех евангелистов, когда речь заходит о пророческой роли нашего Господа, поскольку в его Евангелии мы читаем, что Иисус Сам видит Себя пророком (Лк 4: 24). В синагоге Своего города Назарета Иисус говорит: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк 4: 18-19). В Ветхом завете, если рассматривать его в целом, пророки, если говорить корректно, были не столько просто предсказателями, сколько провозвестниками замысла и воли Божьих, теми, кто провозглашал слово Божие. Иисус, как мы читаем в Евангелии от Марка, начал Свое служение решительными словами: «Покайтесь и веруйте в Евангелие». Иисус, Сын Божий, ставший Сыном Человеческим, таким образом открыл нам замысел Божий. Божья воля о нас,

которая есть никак не меньше, как Благая весть, состоит в том, что мы, как блудные сыны, должны обратиться от падения и деградации и вернуться к Отцу, всегда готовому нас снова принять и нежно любить. И это Сын открыл это нам — Единственный, Кто возвестил Истину от Бога, Кто есть Путь домой и сама Жизнь (Ин 14: 6).

Пророческая роль диаспоры

Я позволю себе напомнить, следуя примеру св. Иоанна Златоуста, что Священное Предание нуждается в соотнесении с современными условиями. Поэтому, обнаружив основание пророческого служения в жизни Самого Христа, я хотел бы перейти к роли пророка сегодня, говоря об этом как член православной диаспоры на Западе. Но прежде всего мне хотелось бы прояснить нечто такое, что мы, православные, как я думаю, уже хорошо знаем в глубине наших сердец. А именно, что мы должны стараться избегать индивидуалистических представлений о «пророке»: вот он — пророк, вот она — пророк, вот я — пророк... Могут быть люди, чьи высказывания окажутся более пророческими, чем высказывания других, а из писаний св. Иринейя мы также знаем, что в конце II века еще существовали люди, особо поставленные на это служение. Однако то, что делает пророка значительным, это не новизна личного озарения, но верное следование Преданию. Предание же есть богодухновенный, хотя и человеческий, а значит и обреченный на ошибки, проводник замысла и воли Божьих. Чтобы лучше это понять, следует осознать, что Православие отличает индивидуализм от личности. Индивидуальности — это разобщенные лица, обособленные островки самосознания, солипсические существа, потерянные самости; тогда как личности онтологически определяются их отношением к другим в общности, а по самому высокому счету — через Духа Святого. Пресвятая Троица может быть единственно истинным, совершенным сообществом, в котором отношения между различными, но никогда не разделенными божественными Лицами неразрывны, однако и члены Церкви по определению соединены друг с другом. Мы представляем собой то, что мы есть как личности, поскольку, как утверждает апостол Павел, мы «соединены вместе» (см. Еф 4: 16). Мы — поистине пророки, но только благодаря тому, что вместе с нашим Господом являемся *totus Christus*. (Всцелым Христом (лат.)) Мы пророки потому, что каждый из нас есть «малый Христос». Мы пророки потому, что Духом Святым приняты в новое личностное творение — в это вновь основанное человечество, первенцем которого через Воплощение и Воскресение стал Христос (см. Кол 1: 18). В определенном смысле Церкви, следовательно, не остается ничего другого, кроме как быть пророческой. Кажется, это о. Иустин Попович сказал, что прошлое всегда присутствует в Церкви, и потому Церковь всегда современна. Это значит, что для Церкви сейчас, как и в любую другую эпоху, поистине невозможно не быть пророческой. Но что это значит — быть пророческой? Я хочу повторить — это значит познавать и возвещать замысел и волю Божью. Я хотел бы сейчас, как и обещал, заострить свое внимание на одном более конкретном и определенном аспекте пророчества, который волнует всех нас. Я хотел бы поговорить о пророческом значении православной диаспоры в современном мире. Упрощая, мы могли бы сказать: «Да, конечно, мы вполне можем осознавать диаспору в понятиях войны, социальных конфликтов, социологии и экономики», — и это было бы совершенно правильно на культурном и политическом уровне. Но пророки призываются Богом, и мне кажется, что на духовном уровне также верно и то, что Бог призвал Православную церковь на Запад. Со всеми ее недостатками и слабостями и, как я надеюсь, с открытыми на эти недостатки и слабости глазами Православная церковь оказывается в одновременно секулярном и религиозном мире, становящемся все более и более раздробленным и поляризованным. В подобном мире все, чем призвана Церковь быть — это быть самой собой. А быть самой собой — значит быть пророческой. Хочу на примере пояснить, что я имею в виду. Один мой коллега по американскому университету, где я преподаю, сказал, что христиане из протестантов все больше и больше начинают понимать, что история дробления внутри христианского мира

восходит по меньшей мере к Реформации — а мы бы сказали, что и к еще более ранним временам. Хотя реформаторы искренне хотели вернуться к кафоличности Символов веры и церковных соборов, вместо этого они дали нам реформацию *ad pauseam* (до тошноты (лат.)). То, что видит в Православной церкви мой коллега и некоторые его друзья — это сообщество христиан, сохранивших апостольскую веру благодаря тому, что в неприкосновенности были сохранены канонические структуры. Мой друг утверждает, что одной из главных ошибок Реформации было именно то, что она не смогла восстановить или обрести заново фундаментальные канонические основы христианства, заложенные не только в Новом завете, но также и отцами Церкви. В этом смысле то, что Церковь делает, оставаясь самой собой, — это свидетельство о единстве и приоткрытие нам замыслов Божиих. На этом и настаивает Хомяков в своей замечательной статье *Церковь одна*. Это безусловно дерзновенно, но также и благотворно, и пророчественно в нашу эпоху разобщенности. Ведь по большому счету единство — это не вопрос, как утверждают римо-католики, неповрежденного апостольского преемства, как будто бы оно давало право узаконить членство в Церкви, подобно праву на собственность или суверенитет. И конечно, это не вопрос ничем не ограниченной святости в методистском понимании перфекционизма — Богу ведомо, что мы согрешаем безмерно. Говоря катафатически, единство для нас — онтологический факт. Говоря на языке митрополита Пергамского Иоанна (Зизиуласа), мы — Церковь, установленная Христом и составляемая Духом, а говоря апофатически, наше единство — это тайна нашего призвания. Чтобы мы не превозносились, нам напоминают, что быть православным, это значит, как это ни парадоксально, желать, насколько это возможно, быть отлученным, дабы все могли спастись, — так утверждает апостол Павел. В таком случае наше единство будет выражением не самодовольства, но миссии. Сам Господь Иисус ясно говорит об этом в Своей молитве за Церковь: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17: 21). Миссионерская роль диаспоры, однако, оказалась противоречивой и не всегда пророческой. Слабые места православной миссии на Западе прекрасно описаны митрополитом Антиохийской церкви в Америке Филиппом. Он говорит, что диаспора телом своим пребывает на Западе, душой же все еще отсутствует. Он говорит, что православные Северной Америки все еще живут где-то «в своих сердцах». «Родная страна», естественно, сильно притягивает воображение и память, но ведь это может привести к бесконечным мечтаньям и грезам, когда христианская ответственность просто утопает в ностальгии по прошлому. Митрополит Филипп показывает, что одна из проблем, возникающая в связи с этим, заключается в том, что члены некоторых церквей не адресуют свой пророческий глас Западу, так как рассматривают себя не как миссионеров и пророков, а просто как гетто, где они сохраняют все то, что утеряли в прошлом. В последние десять лет или около того он утверждал, что православная церковь должна прекратить быть церковью диаспоры, в смысле какого-то музея или этнического союза, и стать миссионерской церковью. Для Православия недостаточно только институционно присутствовать на Западе, так как оно здесь не только для того, чтобы выжить или даже стать сильнее. Оно здесь для того, чтобы быть посредником присутствия Бога Духа Святого. Или, говоря на языке этой статьи, его пророческая роль в том, чтобы возвещать замысел и волю Божью. Сказанное митрополитом Филиппом может найти отклик не у всех православных, но я убежден, что это истина. Однако я хотел бы высказать предположение, что на роль диаспоры в последние десятилетия можно взглянуть и с несколько более позитивной точки зрения. Прежде всего, давайте рассмотрим проблему с социологической стороны. Я являюсь членом Русской православной церкви в Англии уже 23 года. Придя в Церковь в 1973 году, я чувствовал себя в Русской церкви гостем. Быть гостем, хотя и желанным, меня не тяготило. Я понимал, что если новая группа людей, прибывшая из одной страны в другую, хочет сохранить структуры и традиции своей церкви, она должна быть, как однажды сказал митрополит Сурожский Антоний, «задиристой». Прежде, чем начать расти, она стремится пустить корни и создать что-либо твердое и надежное, ведь мы знаем, чем это может закончиться в противном случае: растение будет перекормлено,

скоро засохнет и умрет. Лично мне видится, что диаспоре было необходимо, находясь на Западе, выждать какое-то время, прежде чем она достигнет миссионерского уровня, — однако, как и митрополит Филипп я считаю, что теперь время настало. Надо заметить, что диаспоре внутренне присуща одна сильная сторона, которая питает ее пророческую роль, и она в следующем. Люди, прибывшие из одной страны в другую в поисках убежища, являются, если хотите, постоянными жителями и в то же самое время чужаками. Они проживают в стране, которой реально не принадлежат целиком. Строго говоря, таково ведь положение всех христиан — безотносительно к тому, принадлежат они к исторической диаспоре или нет, поскольку все мы суть граждане не земли, но неба. Быть постоянным жителем и одновременно чужаком — значит, до известной степени, что вы открыты для пророчествования. Вот почему Клайв С. Льюис, будучи всегда немного не в ладах с современностью, — вроде того, как это было с антигероем Записок из подполья Достоевского — являлся выдающимся христианским апологетом XX столетия. Мы замечаем по литературе, да и просто по жизни в секулярном мире, что аутсайдер подчас обладает куда более интересным взглядом на вещи. Он имеет уникальную ясность видения, которой остальные не обладают, поскольку события происходят у них под самым носом, но они не способны видеть очевидности, бросающиеся им в глаза. Поэтому, я думаю, в этом есть очень положительный момент, поскольку диаспора в силу своей маргинальности, своего статуса аутайдера, находится в ситуации, благоприятной для пророчества — до тех пор, пока она остается чуткой к замыслу Божьему. Быть на краю, на границе, как любил говорить Пауль Тиллих, — есть любопытный опыт, требующий как великой способности к различению, так и верности Преданию. Осевшие на Западе православные христиане открывают некоторую тайну. С одной стороны, будучи тем, что мы есть, мы, православные, со всеми нашими немощами, свидетельствуем о единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви. С другой стороны, к нашему удивлению мы обнаруживаем больше родового сходства с инославными, чем мы себе представляли. Мы находим множество братьев и сестер во Христе по всему миру. Даже если они и дальние родственники, родовое сходство угадывается безошибочно. Это стало одним из самых сильных потрясений для Николая Зернова, когда через несколько лет после большевистской революции он прибыл из России в Европу. Он обнаружил, что там повсюду есть христиане, и многие из них ищут со стороны Православия помощи в решении некоторых западных богословских проблем. Он также обнаружил (как и множество православных сегодня) вокруг себя и еретиков, но постепенно начал убеждаться в истинности изречения митрополита Московского Сергия (Страгородского): «Мы знаем, где Церковь есть, но не решимся сказать, где ее нет...» Вот уже на протяжении многих лет в Великобритании митрополит Антоний поддерживает те тоненькие ручейки Православия, которые ему удалось отыскать в других церквях, даже если они никогда полностью и не вливаются в Православную церковь. Он был воодушевлен множеством христиан, преданных историческому христианству, поскольку это делает возможным настоящий диалог между Востоком и Западом. Диаспоре предстоит пройти еще долгий путь, прежде чем она повернется от осадного самосознания к миссионерскому, но я верю, что Православие поворачивается лицом к миру, как об этом мечтал Николай Бердяев, и начинает делить с другими свои сокровища. Мне кажется, к примеру, что проблемы экологии, взаимоотношения человечества и материальной вселенной, это та важная область, где большая часть Западного богословия в действительности имеет мало что сказать, поскольку оно, как представляется, не имеет полного и органичного понимания связи между священством, пророчеством, царством и миром. Это одна из больших областей, где нам есть, что предложить, что сказать пророческого. Я знаю — есть православные, которые возразят мне, что, мол, не наше дело помогать западным христианам решать их проблемы. Но, мне кажется, нельзя вставать на подобную точку зрения: это было бы не просто чувством исключительности — это было бы фарисейством. Мне кажется, гораздо правильнее считать, что коль скоро мы здесь и можем предложить свою помощь, мы должны это сделать. Один из путей к этому — показать, что есть наше богословие, наша духовность, — но не в высокомерном прозелитском духе, который всегда только отвергает

людей, а просто проговаривая те проблемы, с которыми мы все, как христиане, сталкиваемся в современном мире. Комиссия «Вера и церковное устройство» во Всемирном Совете Церквей, кстати сказать, при всех своих неудачах работает лучше, чем могла бы, именно благодаря вкладу Православной церкви. Если кто-то очень хочет убедиться в том, что экуменический диалог действительно приносит пользу, пусть оглянется назад и увидит, что в последние десять лет проблемы Св. Троицы, крещения и высокой христологии снова оказываются в повестке дня Всемирного Совета Церквей. Можно пойти еще дальше. Некоторые ведущие реформатские богословы, например, епископ Лесли Ньюбиджин, считают, что именно православная делегация на конференции ВСЦ в Канберре в 1991 году спасла встречу от провала, когда склонный к полемике китайский богослов феминистского толка Чанг Хиун-Киунг вынуждал их принять синкретическое понимание веры, выходящее далеко за пределы религии откровения. Довольно смешно, но некоторые радикальные мыслители, особенно занимающиеся вопросами феминизма и межрелигиозными проблемами, поддерживают православных по вопросу о *filioque*, надеясь, что это поможет им освободить Духа от Сына и выпустить Его в мир. Ответ Православия профессору Чангу и, соответственно, всем, кто хотел бы превратить Святой Дух в Софию или в деистическую имманентность, таков: «Наше Предание с большим уважением относится к местным и национальным культурам, но мы считаем невозможным вызывать духов «земли, воздуха, воды и обитателей морских глубин». Пневматология неотделима от христологии или от учения Духа Святого, которое Церковь исповедует, основываясь на божественном откровении». Здесь позиция Православной церкви — и ее географического лона, и диаспоры как единого целого, — столкнувшейся с богословским кризисом, таким же глубоким, как в язычестве в первые века христианства, была недвусмысленна. Без малейшего намека на тот дух Эрастианства (Томас Эраст (1524–1583) — швейцарский теолог, цвинглианец, защищал принцип полного подчинения церковных дел государству.) и прагматизма, который временами затемнял наше свидетельство, мы возвещали замыслы Божьи. Не все православное пророчествование было столь драматичным. Временами оно принимало форму постепенного самораскрытия Предания Церкви внешнему миру. Книга митрополита Иоанна (Зизиуласа) *Бытие как общение*, например, есть в программах многих евангелических колледжей в Англии, также как и в реформатских семинариях. Православная приверженность каппадокийскому пониманию Пресвятой Троицы в последние годы оказала сильное влияние на многих людей, уводя их от бесплодного модализма и имперсонализма к динамичной модели личностного общения. Конечно, нельзя сказать, что в этом отношении сделано достаточно, но достигнутая согласованность между Православной церковью и реформатской традицией в понимании проблемы *filioque* и учения о Троице является большим шагом вперед в экуменическом диалоге. Те православные, которые говорят, что протестанты и католики никогда не смогут понять Восточную церковь, подчас грешат тем, что просто не хотят изучить богословскую терминологию Запада или подумать, как лучше перевести православные понятия в приемлемую для Запада форму. Скажите пятидесятнику, что иконы есть образы святых, и он с негодованием отвернется. Но скажите ему о синергии Бога и человека, о том, что иконы есть произведения Святого Духа, и он сразу наострит уши. Или попытайтесь сказать радикальной феминистке без должной осторожности и чуткости, что Православие не собирается превращать Отца, Сына и Святого Духа в функциональное триединство Создателя, Искупителя и Заступника, и она может потерять всякий интерес к разговору или даже занять круговую оборону. Но попробуйте объяснить ей, что в Троице нет полов, что Отец не мужского рода (а Дух — не женского), и она начнет слушать с уважением. Сара Кокли из Гарвардского Университета, англиканка, даже будет утверждать, что Святая Троица, правильно понятая, является лучшей антитезой идее патриархальности (в том угнетающем смысле, в котором феминистки употребляют этот термин). Эти примеры напоминают нам о наиболее пренебрегаемом аспекте пророчествования: не достаточно просто познавать замыслы Божьи — каждый должен возвещать их на том языке и в том культурном контексте, в котором находится. Это также должно было бы напомнить нам, что пророчество

не есть лишь верх аскезы. Также как харизма различения духов действует через духовный плод трезвения, так и пророчество говорит изнутри аскетического внимания, с одной стороны — к замыслу Божьему, а с другой — к той культуре, в которой мы живем. Одним словом, пророчество — тяжелая работа одновременно и слушания, и возвещения замысла Божьего.

САМОКРИТИЧНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Теперь, однако, я хотел бы поменьше обольщаться относительно того, что Православие способно сделать для Запада. Мне кажется, что православные столкнулись с тем, что на разговорном языке можно назвать «проблемой отношения» с теми, кто находится вне их общности. Быть пророком — значит возвещать истину замысла Божьего Церкви и миру, однако мы должны, как напоминает нам апостол Павел, говорить истину в любви. Любовь может быть как строгой и суровой, так и нежной, но только не большой палкой для битья по голове тех, кто думает иначе, чем мы. Когда мы говорим о Западе, отнюдь не необходимо, а часто и ошибочно настаивать на том, что местные религиозные верования и практики непременно следует описывать как инославие или ересь. Считать, что со времени Великой схизмы вне Восточного православия не было богатства христианского Предания, есть либо невежество, либо близорукость. Как будто бы Кальвин никогда не говорил истину. Как будто бы Чарльз Уэсли никогда не писал величественных гимнов Троице. Каких союзников могли бы найти православные, если бы поискали на Западе единомышленников — например, Эдварда Ирвинга в отношении человечества Христа, или Ива Конгара в отношении Церкви, или Юргена Мольтмана в отношении творения. Этот вопрос я поднимаю здесь не для того, чтобы поставить под сомнение ценность православного наследия (иначе я должен был бы покинуть церковь), но чтобы спросить — не хотят ли православные, выносящие критические суждения о западных традициях, также взглянуть более пристально и на самих себя? Я не говорю о включении в Предание Церкви рационализма Просвещения, с присущим ему цинизмом и чувством интеллектуального превосходства, как и не предлагаю умалить почитание святоотеческого предания. Я говорю лишь о том, что следует убедиться — звучит ли в церкви пророческий глас. Для этого необходимо никак не меньше, чем духовное различение: не забывать различать Предание и обычаи; отличать догматы от богословских мнений и благочестивых верований; знать, когда потребно богословие примирительное, а когда — полемическое; иметь ответственность не ссылаться на каноны и отцов Церкви так огульно, как протестантские фундаменталисты цитируют тексты Священного писания; не попадаться в ловушку литургического законничества, и в то же время не смешивать (как это и следует) православное Предание с морализмом. Может и правда, как говорит мой друг, что Православие сумело сохранить форму Церкви в своих канонах и в своем богословии, но на практике православным часто не удавалось быть нормативно этой Церковью. Другими словами, хотя внешние формы религии и поддерживались в том, что касается чинов и практик, в отношении познания замысла Божьего временами было очень мало внутренней реальности. Позвольте мне попытаться объяснить, что привело меня к такому критическому ходу мыслей, к такому самоанализу. Начало этому — в отрывке из Евангелия от Луки, который я уже цитировал выше. Иисус говорит: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим...» (Лк 4: 18). Далее мы читаем (Лк 4: 24), что Иисус достаточно ясно дает понять, что нет пророка в своем отечестве. Св. Иоанн Златоуст в слове на это место подчеркивал, что Иисус имеет в виду своих братьев. Иначе говоря, это мы, а не кто-нибудь другой, часто бываем неспособны услышать пророческий глас. Похожий акцент был сделан несколько лет назад о. Львом Жилле, когда он проповедовал в соборе Русской церкви в Лондоне. Он говорил о том месте из Евангелия, где Иисус, пораженный тем, что Ему, как пророку, не воздают чести в Его стране, среди Его родни, в Его собственном доме, мог только дивиться неверию Своих братьев (Мк 6: 1-6). Отец Лев поражался, как могло случиться так, что сегодняшние православные, которые так много знают и которым так много дано, могли так погрязнуть в неверии и грехе. Пророчество, озабоченное собой и служащее себе, — это пророчество без стоимости, без боли, без покаяния. Ибо показывать пальцем вовне — на Запад, на инославие — не оставляет нам возможности заглянуть вглубь себя. Когда мы поступаем так, когда мы браним других за

их недостатки, не видя своих собственных, мы теряем способность пророчествовать и превращаемся в жестоковыйных фарисеев, неспособных преклонить главы в прощении и молитве и, следовательно, неспособных познавать замысел и волю Божью. Не зря же отцы видели в публичном покаянии единственно истинный образ православной духовности. В Православии нет духовности без покаяния. Только покаяние, а не какие-то расплывчатые культурные ценности, где-то наспех нами подобранные и хранимые годами, дает нам доступ к замыслам и воле Божиим. Духовность — это то, что мы должны заново открывать в каждом новом поколении, если мы хотим на деле, а не только в принципе оставаться пророками, обновляя Предание и сами обновляясь им, а не только пересказывая его. Приведу несколько конкретных примеров. Не хочется быть неуместным, но мне кажется, важно понять, что пророчество неизбежно становится неудобным для нас, когда мы находимся вне воли Божьей. Православная церковь должна подумать — благоразумно ли бросать камни в сторону других конфессий, имея в своей среде весь ужас балканских событий. Однажды один журналист спросил меня: «Как православный, чувствовали ли Вы себя неловко от происходящего в Боснии?» Я помню, что больше всего меня задело это ужасное слово «неловко». Слово, которое первым приходит нам в голову, когда мы говорим о лютеранской церкви и Третьем Рейхе — это слово «стыдно». Босния — не вопрос смущения или растерянности. Это вопрос признания того факта, что подчас даже в лоне православия преизобилует грех. Нет другого слова для этого. Мы не можем никуда это спрятать. Православные учителя и апологеты могли бы возразить, что боснийские сербы не принадлежат к традиционной географической области Православия, или что это не совсем удачный пример народа, социально укорененного в православной вере. Все это дело истории. Если католическая Хорватия подпала под сильное влияние фашизма в период между двумя мировыми войнами, то православные сербы в Боснии подверглись излишней секуляризации марксистского толка во время Второй мировой войны и сразу после нее. Мы могли бы также возразить, что средства массовой информации необъективны в освещении Боснийских событий. К тому же сербы приняли на себя всю тяжесть «этнической чистки», плюс десятки тысяч представителей этого народа пострадали от рук хорватских фашистов в годы Второй мировой войны. Многим из нас это известно, и это помогает немного лучше понимать сегодняшнюю ситуацию, но все же это не делает поведение сербов приемлемым. Конечно, церковь как институт не несет ответственности за зверства, которые были смело и справедливо осуждены некоторыми иерархами. Но факт остается фактом — простые православные люди оказались вовлечены в преступления против человечности. Подчас истинный свет христианской общности отбрасывает мрачные тени этнической исключительности и родовых предрассудков, которые пересиливают свет, пока он не возгорится ярко в сердцах и умах простых людей. Российский сценарий дает нам, возможно, еще более острый повод для самоанализа. Когда Россия была еще в тисках советской власти, многие православные по всему миру не ленились критиковать тамошнюю церковь того времени. Но теперь, когда коммунистическая хватка ослабла, будем ли мы способны противостоять современным опасностям — ведь уже внутри самой этой церкви существует угроза неофашизма славянофильского толка, которому всегда сопутствует ненависть к евреям и жидомасонам. В некоторых семинариях и приходах насаждается и национализм с его отвращением ко всему западному. Эта опасность тем значительней, что многое из того, что пришло в Россию с Запада, действительно является злом — потребительский гедонизм, порнография, стяжательство с его триумфом прагматизма. Тем больше причин для церкви оставаться верной себе самой. Когда же, однако, первоиерарх Русской церкви потворствует выходу газеты правой ориентации, полной ядовитой озлобленности, наводнению церковных лавок тысячами совершенно неприемлемых памфлетов и спокойно смотрит, как так называемые Протоколы сионских мудрецов — эта старая фальшивка, столь любимая нацистами, снова поднимает голову, для церкви самое время высказаться со всей определенностью. Здесь пророческий глас недвусмыслен. Есть Православие, Церковь, но здесь же есть ее подделка, которая выглядит очень схоже. Ее символы и богослужение очень похожи на подлинно

церковные, но ее дух не есть Дух усыновления, которым мы взываем «Авва, Отче!» в покаянии и примирении, но дух вражды. Я говорю это не ради нападок на церковь, но ради осознания того, что внутри еkkлeсии, внутри стада Божьего, мы можем и должны обличать волков в овечьих шкурах. Проблемы Православия в диаспоре могут показаться слишком мирскими по сравнению с Восточной Европой, но они не становятся от этого менее серьезными. Кардинал Суэнэнс однажды сказал мне, что католики Бельгии и Франции не чувствуют в себе сил для дальнейшего выживания на Западе без истинного христианского общения, поскольку более не имеют плодоносящей христианской культуры, которая бы поддерживала и возгревала их веру. Номинальное членство в церкви является особенным искушением для православных Европы и Северной Америки, отрезанных от своей православной родины, где церкви оказывалась молчаливая культурная поддержка. Как много православных, к примеру, похожи на тех англикан, которые при госпитализации в анкете пишут «Церковь Англии», но в храме бывают крайне редко! Значит ли «православность» что-либо еще, чем простая принадлежность к определенной деноминации? В Великобритании, возможно, наша миссионерская деятельность прежде всего должна начинаться с нашего собственного народа. Для многих тысяч секуляризованных в силу сегодняшней действительности киприотов или для тех, кто состоит в нецерковных браках, Православие оказалось выхолощенным до почти бесплодного состояния. Даже традиционные пасхальные обряды отходят в прошлое. Цель столь жестких замечаний следующая: чтобы Православие было пророческим, оно должно постоянно напоминать себе, что это невозможно без познания замысла и воли Божьих. Познавать и возвещать замысел и волю Божьи — выше человеческого понимания, пока мы не привиты Духом Святым к живому Христу и Его Церкви. И чтобы убедиться, что привитые ветви прижились, мы каждодневно должны через покаяние обновляться в самой жизни воскресшего Христа. Православие не значит «правильное верование», если под этим мы понимаем не более чем антикварную точность, если мы механически заучиваем догматы или разглагольствуем и прихорашиваемся как попугаи. Православие лучше понимать как истинное служение и поклонение, которое есть излияние личностной Божией любви в Церковь. Это излияние подобно наполненной до краев чаше вина, которую мы должны испить до дна, если жаждем новой жизни. И это питье есть не только физический акт открытия наших уст, но и духовный акт самоотречения, открытия наших сердец. Позвольте мне закончить следующим образом. По милости Господа Православная церковь пришла на Запад. Я верю, что она действительно является истинной Церковью, беспорочность и святость которой неприкосновенна в ее тайне, но которая при этом в своей эмпирической жизни кишит всевозможными иудами и фарисеями, мытарями и грешниками. Православное пророчество есть глас замысла Божьего, обращенный к миру, но также и к церкви. И этот голос нас предупреждает, что если Иисус говорит: «Я есмь виноградная лоза, а вы ветви...», то совершенно ясно, что ветви могут засохнуть и погибнуть, если они не привиты крепко к лозе. Нет жизни в мертвой ветви, нет в ней духоносной живительной силы, и пророческий глас не слышен.

Перевод с английского А. Быкова, С. Зайденберга

* Dr Andrew Walker. The Prophetic Role of Orthodoxy in Contemporary Culture. Опубликовано с разрешения издателей по: Living Orthodoxy in the Modern World. Edited by Andrew Walker and Costa Carras, London, 1996, с. 217-235.

Д-р Эндрю Уокер является ведущим курса «Евангелие и Культура», старшим преподавателем курса «Богословие и образование» в Королевском колледже в Лондоне. Также он является внештатным профессором евангелизации и культуры в Perkins School of Theology, Southern Methodist University, Даллас, штат Техас. Он также является не имеющим сана проповедником Русской православной церкви в Англии, автором нескольких книг, таких как Restoring the Kingdom и Enemy Territory (Hodder & Stoughton, 1987). Последняя его книга – Telling the Story (

СПСК, 1996).

Андрей Платонов: «Нас почитают обманщиками, но мы верны, нас почитают умершими, но вот, мы живы»

Церковная жизнь

Эта статья с небольшими сокращениями впервые опубликована в «Независимой газете» 27.02.98.

4 октября прошлого года опубликовала свою очередную статью (см. «НГ» № 187 (1512)) поэтесса Олеся Николаева, в которой она подготавливала общественное мнение к оглашению несправедливого приговора священнику Георгию Кочеткову и 12 членам его общины. Этот приговор был спешно вынесен церковной комиссией по расследованию инцидента, происшедшего минувшим летом 29 июня в московском храме Успения в Печатниках, в полном противоречии с окончательными результатами проверки, проведенной прокуратурой, и разбирательством специальной комиссии Минздрава.

Напомним, что произошло 29 июня. В тот день второй священник о. Михаил Дубовицкий устроил во время богослужения скандал, в храм были вызваны милиция и бригада психиатрической скорой помощи, принявшая ответственное решение о госпитализации о. Михаила с диагнозом «шизофрения, острый дебют». В развитии скандала приняли участие монахи соседнего Сретенского монастыря, уже несколько лет гнавшие общину о. Георгия и возмущавшие церковную общественность против нее. Не прошло и нескольких часов после происшествия, как сводный хор церковно-националистических сил по радио, по телевидению и со страниц газет грянул: «физическая расправа, уголовщина, террористическая акция, деньги с Запада...»

Под такой аккомпанемент уже через день после событий в Успенском храме, 1-го июля, выходит Распоряжение Святейшего Патриарха, а 2-го июля его Указ, как о несомненных фактах говорящие о надругательстве и избиении, насильственной госпитализации и физической расправе над священником Дубовицким и запрещающие в служении о. Георгия Кочеткова.

Спустя некоторое время (26 июля) на страницах «НГ» был опубликован документ за подписью начальника 18 о/м г. Москвы Римского А. Л., в котором говорилось о драке священнослужителей в алтаре и который, очевидно, был использован как основание для наложения прещений на о. Георгия. Вскоре после событий 29-го Патриарх назначает комиссию для расследования инцидента в Успенском храме, которая в результате своей работы будто бы установила «факт совершения насилия и глумления над свящ. Михаилом Дубовицким», в связи с чем Предстоятель Русской церкви 9 октября подписывает следующий Указ, которым оставляет о. Георгия Кочеткова под запретом и отлучает от причастия двенадцать членов его общины, среди которых почти все алтарники, члены приходского совета и семидесятилетняя старушка — помощница о. Георгия. Правда, в последнем Указе уже прямо об избиении и отправлении в психиатрическую больницу о. Михаила не говорилось, но еще говорилось о насилии, глумлении и оскорбительных действиях против него.

Интересно, что параллельно с церковной комиссией по заявлению г-жи Дубовицкой,

двадцатилетней псаломщицы одного из московских храмов, работали и светские компетентные органы: в том же 18 о/м шла проверка «фактов» насильственных действий над о. Михаилом и незаконного помещения его в психиатрический стационар, над тем же работали прокуратура и комиссия Минздрава. Все они свою работу также закончили, что и подтвердили заключительными документами, которые полностью опровергают выводы церковной комиссии, настолько скоропалительные, что кажется будто они были приняты даже не в момент выхода первого Указа Святейшего Патриарха 2 июля, а еще раньше.

Итак, священник Георгий Кочетков и двенадцать его избранных прихожан обвиняют в тяжелом проступке — насилии над собратом и отправлении его с глумлением и оскорбительными действиями в психиатрический стационар чуть ли не без каких-либо на то оснований. Все это противники общины о. Георгия пытаются подтвердить упомянутым выше документом из 18 о/м, заключением врачей 14 психиатрической больницы (что поступивший к ним священник Михаил Дубовицкий на момент его выписки «признаков психического расстройства не выявлял») и еще какими-то справками, которые, впрочем, никто не видел.

Но вот 8 октября, буквально накануне подписания Патриархом Указа о прещении относительно о. Георгия и его прихожан, из стен того же отделения милиции вышло Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту нарушения общественного порядка в храме Успения в Печатниках 29 июня. При этом в документе говорится, что «из объяснений самого Дубовицкого усматривается, что он возмущен его насильственным направлением в псих. больницу, о том, что было нарушение общественного порядка, он не говорит...».

Далее, 14 октября, на следующий день после вручения Указа о. Георгию и его прихожанам, было подписано заключение комиссии Минздрава РФ о проверке обстоятельств, связанных с направлением о. Михаила Дубовицкого в психиатрическую больницу. Эта комиссия досконально исследовала все материалы, касающиеся госпитализации о. Михаила 29 июня, выслушала его самого и даже его адвоката, помощника депутата Госдумы Грешневикова А. Н., а также врача скорой помощи, просмотрела полную видеозапись событий в Успенском храме. И вот в ее заключительном документе говорится, что «в момент стационарирования М. В. Дубовицкий находился в остром реактивном состоянии, которое соответствует острой реакции на стресс с преобладанием нарушения поведения по Международной классификации болезней 10 пересмотра». И далее: «В созданных условиях тактика врача Г. Л. Шафрана — решение вывести М. В. Дубовицкого из не поддающейся разрешению тяжелой психотравмирующей ситуации — была оправданной, ибо в противном случае действия врача следовало бы расценить как неоказание медицинской помощи». Таким образом, принудительная госпитализация о. Михаила из храма 29 июня этим документом признана оправданной на самом высоком уровне, а следовательно, и причины, по которым она была произведена, в принципе подтверждены (т. е. диагноз не снят).

Вскоре свое решение вынесла и Мещанская прокуратура. 20 октября было подписано Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту незаконной госпитализации за отсутствием состава преступления. Этот документ целиком читатель может прочесть ниже, поэтому в данном случае от комментариев можно отказаться.

И наконец, последний документ, также публикуемый ниже, говорит о том самом злополучном письме начальника 18 о/м ст. лейтенанта Римского А. Л. от 1 июля. Как мы видим, документ прокуратуры ясно говорит, что информация, содержащаяся в милицейском документе, не соответствует действительности. Как же тогда понимать утверждение г-на Римского, будто бы 29 июня сотрудники милиции «обнаружили происходящую драку в алтарной комнате между священниками, причем один из них, как в последствии выяснилось, Дубовицкий Михаил

Владимирович, находился со следами побоев и в разорванной церковной одежде», и его же, Римского, утверждение в телепрограмме «Криминал» (НТВ, 24 июля) об избиении о. Михаила, когда уже было ясно, что никто не только не бил священника, но и не замахивался на него? Как вообще может делать подобные заявления человек, призванный устанавливать правду и наказывать преступающих закон?

Кстати, из милицейских источников стал известен еще и такой примечательный факт. Когда вышел Указ об оставлении о. Георгия Кочеткова под запретом и об отлучении двенадцати его прихожан от причастия, жена о. Михаила пожелала забрать свое заявление, ибо, как вскоре поспешили объявить некоторые псевдоцерковные газеты, о. Михаил будто бы «простил своих обидчиков». Но она опоздала: уже был готов отказ в возбуждении уголовного дела на основании проведенной проверки.

К большому сожалению особо приходится говорить о крайней необъективности и той церковной комиссии, которой Святейший Патриарх поручил расследовать печальный инцидент. Комиссия открыто не желала принимать во внимание ни свидетельские показания, ни результаты светского расследования, и поэтому, как только стало ясно, что наши отнюдь не захваленные в общественном мнении светские органы к чести их не собираются идти на поводу у лжи, сразу вынесла свое заключение. Комиссия так торопилась, что даже формально не опросила всех свидетелей происшедшего в Успенском храме, хотя и ее председатель — епископ Орехово-Зуевский Алексей, и ее секретарь — свящ. Александр Абрамов убеждали всех в обратном. Не опрошенным оказался даже, может быть, самый объективный и независимый свидетель этой истории — иеродиакон Серафим из Данилова монастыря, который в те часы присутствовал в храме и в алтаре (в отличие от всех «свидетелей» из Сретенского монастыря), сам пытался говорить с о. Михаилом и увещевать его и имя которого упоминали некоторые свидетели, вызывавшиеся на заседания комиссии.

Как было сказано в последнем Указе Патриарха, комиссия «установила факт совершения насилия и глумления над священником Михаилом Дубовицким». Но в чем, по ее мнению, это насилие и глумление выразалось?! Может быть, насилием и глумлением здесь ошибочно названа сама принудительная госпитализация? Почему-то до сих пор заключение комиссии остается неизвестным православной общественности и, таким образом, получается, что, простите, крайним в этой некрасивой истории оказывается сам епископ Москвы Святейший Патриарх Алексей II. Хотя все понимают, что человек, обремененный столькими заботами, не имеет достаточного времени для детального разбора подобных дел. Для этого и существуют викарии, канцелярия, масса помощников и проч. Похоже, и на этот раз помощники сильно подвели Патриарха, ведь его мнение по данной проблеме, каким бы оно ни было, основано на подготовленной ими информации.

Теперь, как кажется, печальная история вокруг инцидента в московском храме Успения в Печатниках, разрекламированная ультраправыми околоцерковными СМИ как беспрецедентная за всю историю РПЦ, подходит к концу. На сегодняшний день не осталось никаких объективных документов, подтверждающих «факт» насилия и глумления над свящ. Михаилом Дубовицким, и теперь можно однозначно говорить о юридической и этической невинности о. Георгия Кочеткова и его прихожан в том, что произошло в их храме в последнее июньское воскресенье. Так не наступило ли время искать и находить истинные причины происшедшего и происходящего в нашей церкви?

Может быть, весь ужас нынешней российской действительности и заключается именно в беззаконии, в беспределе, из-за которого жизнь действительно кажется невыносимой. Глядя на печальный итог «служения» о. Михаила и его повседневных явных и тайных наставников, на практически пустующий ныне, а еще недавно наполнявшийся тысячами людей Успенский

храм в Печатниках, вдвойне страшно становится из-за того, что именно в нашей церкви иногда царит этот беспредел и хаос, и главное, что в ней сейчас почти не видно сил, способных эту церковную болезнь вылечить.

Характер последовавших после Указа событий и публикаций меняется. С одной стороны, враги общины о. Георгия как будто добились своего: столь опасный для них священник и его ближайшие помощники под запретом, храм захвачен, община выгнана на улицу. Но с другой стороны очевидно, что церковная общественность не поддержала этих гонений, кроме того, все шире становятся известными решения светских органов, оправдывающих общину, ставящие все на свои места, и поэтому гонители усиленно распространяют слухи уже о неподчинении о. Георгия Указу Патриарха, о непомерной его гордыне и т. п.

3 декабря (почти три месяца назад!) под праздник Введения Богородицы во храм закончился срок епитимьи, наложенной в исполнение Указа от 9 октября на о. Георгия и его помощников епархиальным духовником. Все они, согласно его указаниям, направили на имя Патриарха соответствующие прошения о снятии прещений. Теперь, согласно своему же Указу, Святейший Патриарх должен принять решение о дальнейшей судьбе тех, кто по непонятным причинам все еще остается под прещением. 1 марта Русская Православная Церковь отмечает Прощеное Воскресенье, праздник, в который верующие просят прощения у тех, против кого согрешили и прощают своих обидчиков, чтобы в мире со всеми начать Великий Пост, время особого покаяния и предстояния в тишине и молитве пред Богом. Именно в этот момент есть уникальная возможность полностью восстановить справедливость и закончить эту весьма печальную и неприглядную для всех верующих историю без нанесения ущерба авторитету Русской Православной Церкви и ее иерархии и, тем самым, лучшим образом вылечить этот конфликт. Надежда есть, и так хочется, чтобы Божья правда восторжествовала, чтобы земная церковь искала волю Божию и согласно ей следовала по своему пути. Но в такие моменты все же необходимо соблюдать трезвенность, ибо слишком велика опасность, что даже если епископ Москвы сам лично и захочет принять справедливое решение, ему не позволят это сделать окружающие его силы, которые конечно же не для таких решений готовили и развязывали этот грандиозный конфликт...

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела 20 октября 1997 года г. Москва

Помощник Мещанского межрайонного прокурора г. Москвы Станишевская А. А., рассмотрев материал по факту недобровольной госпитализации в психиатрическую больницу г-на Дубовицкого М. В.,

Установил:

02.10.97 года в Мещанскую межрайонную прокуратуру г. Москвы поступил из 18 отделения милиции 7 РУВД ЦАО г. Москвы материал по заявлению г-ки Дубовицкой Т. В. о незаконном помещении ее мужа Дубовицкого М. В. в психиатрический стационар 29.06.97 года.

В ходе проверки, проведенной Мещанской межрайонной прокуратурой г. Москвы было установлено, что 29.06.97 года в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, расположенном по адресу: ул. Сретенка, д. 3 во время богослужения в адрес скорой психиатрической помощи поступил вызов от г-на Родионова, назвавшегося прихожанином вышеуказанного храма. Около 12:00 29.06.97 года бригада скорой психиатрической помощи в составе врача Шафрана Г. Л. и фельдшера Савушкина Б. Б. прибыла по указанному адресу, откуда данной бригадой г-н Дубовицкий был доставлен в городскую психиатрическую больницу № 14 с диагнозом — «шизофрения».

В своих объяснениях врач Шафран показал, что когда прибыла бригада скорой помощи в храм, их провели в помещение ризницы, в коридор, где врач увидел мужчину, лежащего на полу, зовущего на помощь и читающего псалмы. Все это происходило при том, что этого мужчину никто не трогал, никто не применял к нему силу. Врач Шафран установил признаки острого психического расстройства и принял решение, согласно закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», о недобровольной госпитализации Дубовицкого, поскольку он был в данный момент социально опасен, его поведение могло привести к конфликту между прихожанами церкви. Состояние Шафран пояснил, что настоятель храма Кочетков был против насильственной госпитализации, но врач настоял на недобровольной госпитализации Дубовицкого. Аналогичные объяснения дал фельдшер Савушкин Б. Б.

По факту недобровольного доставления Дубовицкого М. В. в психиатрическую больницу с 04.10.97 года по 14.10.97 года при Министерстве здравоохранения РФ заседала комиссия под руководством директора НЦПЗ РАМН Тиганова А. С., которая дала заключение по данному вопросу. Комиссия пришла к заключению, что в момент стационарирования М. В. Дубовицкий находился в остром реактивном состоянии и создавшихся условиях тактика врача Шафрана Г. Л. была оправданной, ибо в противном случае действия врача следовало бы расценить как неоказание медицинской помощи.

Таким образом, в действиях врача Шафрана Г. Л. не усматривается состава преступления, предусмотренного ст. 128 ч. 1 УК РФ.

Учитывая вышеизложенное и руководствуясь ст. 5 п. 2, 109, 113 УПК РСФСР,

Постановил:

1. В возбуждении уголовного дела по факту недобровольной госпитализации г-на Дубовицкого в психиатрический стационар — отказать.
2. О принятом решении уведомить заинтересованных лиц.

Помощник Мещанского

межрайонного прокурора

г. Москвы А. А. Станишевская

«СОГЛАСЕН»

Мещанский межрайонный прокурор г. Москвы

старший советник юстиции

О. И. Степанов

О письме начальника 18 о/м Римского А.Л. ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА ГОРОДА МОСКВЫ

ПРОКУРАТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА

МЕЩАНСКАЯ МЕЖРАЙОННАЯ ПРОКУРАТУРА

107014, г. Москва, 1-я Боевская ул., 2, стр. 1 тел. 268-55-41

17.11.97 г. № 320кс 97

107061, г. Москва, ул. Б. Черкизовская, д.11 ЮК № 18 МГКА Мартвель Н. Л.

В ответ на Ваше заявление от 3 ноября 1997 года сообщаю Вам, что 18 отделение милиции г. Москвы провело проверку в порядке ст. 109 УПК РСФСР по факту нарушения общественного порядка в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках 29.06.97 года. Информация от 01.07.97 года о нарушении общественного порядка в ходе проверки не подтвердилась и 9 октября 1997 года было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Мещанский межрайонный прокурор г. Москвы старший советник юстиции О. И. Степанов

исп. Станишевская А. А.

тел. 268-55-50

Протоиерей Сергей Гаккель: Любовь надо всегда возгревать

Церковная жизнь

Интервью с прот. Сергием Гаккелем, членом Попечительского совета Свято-Филаретовской высшей православно-христианской школы, многолетним ведущим русских религиозных программ Би-Би-Си.

— В начале, если можно, отец Сергей, расскажите немного о своей семье, о том, как Ваша семья повлияла на Вас лично, на Ваше призвание, на Ваше служение...

— Я думаю, что семья очень повлияла на меня, хотя война нас разделила, — в том смысле, что отец остался в Германии, надеясь, что выберется оттуда даже во время войны в Америку, которая тогда, до 1941 года, еще не вступила в войну, а мы к тому времени выехали уже в Англию. Так получается, что влияние отца — это дальше как будто влияние. Я помню его в раннем детстве, я с ним опять встретился после войны, но вырос в конце концов без него. Тем не менее, я замечаю, что мои вкусы, мои стремления, мои идеалы, моя вера определяются во многом именно отцовским наследием. Но надо прибавить, что вырос я все-таки при матери и с ее помощью. Мы жили вдвоем, спасались в Англии от военных угроз, и главное влияние на меня оказывала именно она — своим терпением, своей добросовестностью, и своим прекрасным знанием русской литературы, русской жизни, русской духовной мысли, и своей верностью церковному преданию, в конце концов. После смерти отца она приняла монашеский постриг. Она имела огромное влияние, но тогда я этого не понимал. Вообще, так бывает с детьми, что они не понимают, не ценят, даже отрицают влияние матери или отца. И боюсь, что я в самом деле не показывал ей ту благодарность, которую теперь испытываю и теперь выражаю. Оба они выехали из России в 1922-м году, надеясь до того, что как-то пристроятся к новым порядкам, к новой жизни, но так не получалось. Бежали они, потом захватили их, посадили, умирал отец тогда от двойного тифа. Выпустили его из тюрьмы только для того, чтобы умер он на свободе, и ее вместе с ним тоже выпустили, тогда были еще порядочные времена. И они опять бежали — в Польшу, в Германию, а потом уже мы бежали с матерью

дальше — в Голландию и в Великобританию. Мы надеялись, что вместе с отцом остановимся и поселимся в Америке, куда его приглашал как преподавателя в новую духовную семинарию, которую он тогда организовал или собирался организовать, митрополит Алеутский и Сан-Францисский Вениамин (Федченков) — тогдашний экзарх Московского Патриархата в Америке. Но этого не получилось, отец так и не выбрался из Германии, а мы остались в Великобритании.

— Вы получили прекрасное светское образование, насколько я знаю, Вы учились в хорошей частной школе, а потом получили высшее образование в Оксфорде. Когда к Вам пришло желание изменить свою жизнь и посвятить ее служению Богу и Церкви — стать пресвитером?

— Тут два разных момента: я думаю, каждый человек может решить посвятить себя служению Богу, стать преданным членом Церкви, а быть пресвитером — это уже отдельное призвание и отдельное дело. Так со мною, во всяком случае получилось. Я никогда не думал, что буду пресвитером. Но в конце концов один человек подсказал мне, что такая роль может быть моей — это теперешний митрополит Антоний Сурожский, а тогда он был отцом Антонием. И вот он не раз мне подсказывал, что я мог бы хоть подумать о том, чтобы стать священником. Я все отказывался от этого, считая, что я недостойн, и то же самое, конечно, говорил ему. В конце концов, под некоторым давлением я согласился стать дьяконом и 6–7 лет так и прослужил дьяконом в нашем соборе — когда отец Антоний стал молодым епископом, он меня и рукоположил. Но долгое время я не мог решиться на следующий шаг. По церковному же порядку полагается, что епископ, раз человек уже согласился на дьяконское служение, может просто в определенный момент принять решение и приступить к следующему рукоположению. Я этого не знал, а владыка Антоний скрывал это от меня, желая, чтобы я сам решил этот вопрос. В конце концов получилось так, что служил я дьяконом в лондонском соборе и не думал уже о священстве, но настал такой момент, что я получил место преподавателя в университете не юге Англии, то есть за пределами Лондона. Тогда мне было сделано новое предложение — стать священником, потому что я выезжаю из Лондона, где, конечно, было бы легче просто служить в соборе, но тут открывалась новая миссионерская возможность передо мною — быть священником, не обязательно основать какой-нибудь приход или действовать так или иначе, но быть наготове для того, что произойдет. Может быть, ко мне подойдет тот или иной человек, может быть, будет просьба о приходской деятельности, о приходской жизни. Но быть наготове — это и значит принять рукоположение. Итак, накануне выезда из Лондона, в 64 году я и стал пресвитером, и выехал сюда — не на приход, не на определенное служение, даже не как капеллан университета, но просто надеясь, и владыка Антоний надеялся на то же самое, что какая-то польза от этого получится.

— Тем не менее, как мы сейчас видим, у Вас есть свой приход, у Вас есть возможность служить в храме, но это по прошествии уже более 30 лет. А в самом начале: Вы — молодой священник, молодой человек, неопытный, приезжаете в неизвестное место, и как же там все получается?

— Было трудно, потому что я все-таки чувствовал себя не в своей тарелке, я думал, что надо применить (хотя владыка говорил, что не надо спешить с этим делом) надо каким-то образом применить священство, стать действительно пастырем, служить так или иначе. В конце концов я начал самые скромные службы, даже в конюшне, что было не особенно прибыльно. Я помню, тогда приезжал патриарх Алексей I — не ко мне, в Лондон, — я ему тогда сказал — вот, новый приход основан. «А где вы служите?» Я сказал: «В конюшне.» Ну, он как-то связал это с рождественскими иконами или картинами, где Спаситель рождается в конюшне, где стойла стоят, и сказал: «Ну, называйте тогда приход Рождественским. Пусть посвящается ваш приход

Рождеству Христову. У вас будет много прихожан именно в Великий праздник.» Никаких прихожан пока еще не было, но тем не менее приход так был назван и до сих пор так называется. Хотя, между прочим, недавно приезжала дочь о. Дмитрия Клепинина, и как раз в связи с ее приездом нашим старостой было сделано предложение, чтобы, когда в конце концов будет прославлена мать Мария (Скобцова), переименовать приход или дать приходу добавочное имя в ее честь. Но, конечно, этого прославления еще нет, а это прославление было бы кстати, так они считали, так как я написал ее биографию, хотя нельзя сказать еще — житие. К тому же это было время Великого поста, и я служил в облачениях о. Дмитрия, которые сшила сама мать Мария, так что мы в каком-то смысле моими, их связаны с их славой, и надеюсь, в конце концов, и с их прославлением.

— За свою жизнь Вы встречали и имели дар общения со многими великими людьми, сейчас мы уже можем об этом говорить прямо, потому что многих из них уже нет в живых. Кто были Ваши учителя, кто повлиял на становление Вас как личности?

— Ну, как личности — это в конце концов доходит до далекого прошлого, я уже говорил о матери и об отце. Конечно, имела огромное влияние личность митрополита Антония, который был моим духовным отцом долгие годы, рукоположил меня и до сих пор возглавляет нашу епархию. Конечно, были замечательные встречи, было очень близкое сотрудничество с некоторыми незабвенными людьми, такими как о. Иоанн Мейендорф или митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим. Но это все стадии, что-то добавочное. Я думаю, главное — это местное влияние, то есть постоянное влияние нашего митрополита, с которым я часто совершенно не согласен, с которым я часто расхожусь во мнениях, и он со мной, и так было и прежде, и тем не менее то, что меня связывает с ним, это самое ценное и самое важное.

— Деятельность Сурожской епархии известна и за пределами Англии, и даже в России мы много слышим о вас и радуемся вашим успехам и удачам, особенно миссионерского характера. Как Вы, отдалившись в пространственном отношении, перенесли служение всей Сурожской епархии, ее миссию, на эту землю — на юг Англии, и какой плод Вы принесли? Какой у Вас приход?

— Приход скромненький, надо сказать, приход англоязычный, что ужасно важно, и что показательно и типично для Сурожской епархии. И приход чувствует себя органической частью всей епархии, мы очень близко связаны друг с другом, так как нас сравнительно мало и даже очень мало. Так что наша деятельность — это не отдельная деятельность, она не отчуждает нас и не отделяет нас от всей епархии. У нас свое общее епархиальное дело, общеепархиальная миссия, общецерковная, в конце концов, миссия, которую мы выполняем, но никогда не напоказ, никогда не на виду даже. Мы всегда считали и считаем, особенно в нашем приходе, что нам положено каким-то образом влиять на окружающий нас мир и окружающих людей, чтобы они ценили нашу духовную жизнь, приходили, может быть, и на наши службы, хотя и не обязательно переходили в Православную церковь для того, чтобы оценить то, за что мы стоим, за что мы внутренне боремся, а получали от нас без всякой связи, во всяком случае свободно получали от нас ту или другую пользу, которую не мы как личности приносим, но которую мы передаем им тем, что мы есть, тем, что мы так служим, тем, что мы так верим, тем, что мы то или другое защищаем, показывая своей ежедневной деятельностью, что все это всерьез, что все это нами принимается как та истина, которую мы обязаны каким-то образом — но образ этот не обязательно определяется заранее — передавать членам и не членам нашей церкви. Поэтому получается и так, что мы занимаемся (это сейчас уже неудобное слово, но я его употребляю) экуменизмом, то есть межцерковными встречами, межцерковными обсуждениями, межцерковными деяниями. Вот сегодня утром, проходя по городу, мы вместе с Вами увидели, как собираются деньги на общехристианскую благотворительную деятельность

под названием «Christian Aid» — «Христианская Помощь». Это помощь всемирного характера, которая приносится всеми христианами Великобритании, и эта помощь постоянно скромно и деятельно применяется и раздается, помощь не только денежная, не только в области питания, скажем, бедных и бездомных, что тоже важно, но и в развитие тех обществ, которые до сих пор остаются в нужде до некоторой степени, потому что западный мир, в том числе и Великобритания, эксплуатировал эти страны и обеднил их до определенной и до ужасающей даже степени.

— *Ваш приход является по-своему просто уникальным: насколько я знаю, вы служите в храме, который вам любезно предоставила англиканская церковь и даже в воскресенье литургия начинается в 11:45 — так поздно именно потому, что вы приходите служить сразу после окончания англиканского богослужения. Как вы достигли такой высоты экуменического общения?*

— Ну, это может быть не плод наших стараний, это плод вообще существующей в Великобритании ситуации, где мы очень по-дружески относимся друг ко другу. Это плод многолетних стараний наших предшественников и наших стараний к тому, чтобы мы не только, скажем, по воскресеньям в определенный час встречались и пользовались англиканским храмом. Долгие годы шли разные дела, разные совместные деяния, которые сближали нас все больше и больше — без всяких определений, без всяких решений, без всяких соглашений на то или другое сотрудничество. Это, можно сказать, органически последовало, что мы так бережно относимся друг ко другу, уважая друг друга: они нас, а мы их. Это не значит, что мы признаем все, что есть в англиканстве, все, что есть в католичестве, в протестантизме и т. д., но мы готовы уважать их веру, их деятельность и, конечно, их храмы.

— *Войдя сегодня в ваш храм, я была поражена тем, что Вы, поскольку этот храм англиканский, а в англиканских церквях отсутствует алтарная преграда и алтарь является всего лишь некоторым возвышением чуть впереди молящихся, служите «без алтаря», принося с собой одну или две иконы... Не мешает ли это Вам, отец Сергей, и Вашему приходу быть православными?*

— Нет, может быть и наоборот — помогает нам быть православными. Тут надо помнить, что в конце концов в истории церкви, да, ограждался престол, да, всегда было некоторое пространство вокруг, которое мы сейчас называем алтарем. Это для приличия, для благолепия и для благочиния получалось, и создавалось, и развивалось до тех пор, пока не появился такой алтарь, который ограждает себя от народа, которому он должен принадлежать и вокруг которого должна происходить та служба, которая и есть общая приходская служба. Если же мало кто видит или никто даже не видит, что происходит, то это в каком-то смысле отрицание того, что происходит, это противодействует смыслу того, что происходит. Поэтому я даже рад, что нет такой преграды, такого высокого иконостаса или вообще нет иконостаса. И, конечно, надо прибавить, что у многих православных, которые служат в чужих храмах, то есть в неправославных храмах, получается то же самое. Не все, может быть, этим довольны так, как я доволен, но мы все могли бы задуматься об этом как о достижении, а не как о лишении чего-то. Тем более не надо считать, что это лишение чего-то важного и исконного. В конце концов, такие высокие иконостасы, такие преграды появились только в рублевское время, то есть в конце XIV — начале XV века. Раньше были только преграды, и скромные преграды, которые ограждали престол, но не прятали престол и священнодействие от прихожан.

— *Отец Сергей, Вы служите, используя тот язык, на котором говорят все или большинство людей в храме и за пределами храма — английский язык. Насколько я знаю, большинство православных церквей, принадлежащих Русской Православной Церкви, но находящихся за рубежом, используют церковнославянский язык и даже в Иерусалиме*

служат по-церковнославянски. С чем это связано, как начинались английские службы в Сурожской епархии? Я знаю, что у истоков этого стоял сам митрополит Сурожский Антоний, и благодаря ему и сотрудничеству с ним это преобразование произошло. Какие преимущества вам это дало и зачем вы это сделали?

— Ну, зачем? На это просто можно ответить: мы должны понимать то, что мы творим, то, что мы создаем. И совершенно кошунственно было бы служить на чужом языке, который не понимается даже служащими, не говоря уже о присутствующих. Но тут нужно сразу добавить, что присутствующие по-своему сослужат во всем том, что происходит. Нужен язык, который был бы понятен так, как был понятен, скажем, евангельский язык, греческий язык тех времен — простой язык тех, кто писал Евангелие первоначально и читал Евангелие первоначально. Так и повсюду церковный язык должен быть понятен и знаком — не только понятен, но и знаком тем, кто участвует в богослужении. Древний мир имел и греческий язык, и латинский язык, но мало пользовался древнееврейским языком, хотя и мог бы. Были такие священные языки, иногда даже связывали их святость с тем, что надпись на кресте была сделана на этих трех языках. Но и до святых Кирилла и Мефодия показано было, скажем, сирийским миром, что это не единственные, не исключительные языки для священнодействия, для богослужения. Но при святых Мефодии и Кирилле было ясно показано, что и славяне, которые не понимают ни по-гречески, ни по-латыни, должны служить по-своему. Это значит, что любой народ, любая народность должны иметь в церкви свой язык. И то, что тогда понимали новосозданный и новооформленный церковнославянский язык, совсем не значит, что он навсегда должен быть главным или единственным языком даже для славян. Например, св. Стефан Пермский в XIV веке перевел богослужение на язык пермских жителей — на зырянский язык. И каждый миссионер должен в первую очередь подумать о пастве, о нуждах паствы, чтобы все понимали — какое совершается жертвоприношение, или какое совершается священнодействие. Нам, пользующимся, скажем, английским языком в Англии, или уэльским языком в Великобритании, или, скажем, французским языком в Бельгии, или фламандским языком в Бельгии или голландским языком в Голландии, немецким языком в Германии и, конечно, японским языком в Японии, непонятно, почему русские в каком-то смысле исключены из тех народов, которые могут пользоваться и должны пользоваться своим родным языком.

— *Русским языком, Вы имеете в виду?*

— Русским языком. Ведь это становится редкостью, можно было бы даже сказать — печальной редкостью, что какой-то народ служит на таком устарелом и малопонятном языке. Дело не в древности этого языка, а в непонятности этого языка. Но на нем почему-то служат всегда и непрерывно, невзирая на нужды церковного народа, который в конце концов этим отстраняется от богослужения. Тут надо сказать — да, мы служим на английском языке. Но ставится еще новый вопрос: можно ли пользоваться благочестивым языком шекспировских времен, языком прекрасного перевода Библии тех времен, то есть сделанного чуть ли не 400 лет тому назад. Есть такие переводы. Но в конце концов и это становится неприемлемым. И в нашей епархии как раз в эти дни работает маленькая комиссия (я член этой комиссии, а возглавляет ее епископ Сергиевский Василий (Осборн)), которая создает новый, свежий, проверенный перевод. Эта комиссия занимается новым свежим и проверенным переводом, пользуясь греческим подлинником, но опираясь также и на славянский перевод, поскольку и там есть важные варианты, которыми мы также хотим пользоваться, и обновляя тот английский язык, который к нашему времени уже устарел, хотя, может быть, и был приемлем для англикан и для других верующих 50-70 лет тому назад, когда и англиканское благочестие питалось старым английским языком. А теперь настало совсем другое время. И чтобы показать нам, что это возможно, в греческой епархии Великобритании был создан совершенно свежий перевод с греческого подлинника, издающийся параллельно с греческим текстом, где

применяется только современный и очень подчеркнуто современный английский язык. Он немножко испугал многих из нас тем, что, скажем, на литургии к Богу обращаются не на «Ты», что по-английски звучит несколько высокопарно и старомодно, так как нет уже «Ты» на английском языке. Обращается Церковь к Богу на «Вы», как и положено в современном английском языке. Мы от этого отказались, соборно отказались (не я лично — я даже жалею, что мы отказались), но взяли все-таки за этот новый перевод с греческого подлинника, и поправляем его, слегка смягчая ту современность, ту свежесть, которая там есть, чтобы создать, да, новый, свежий и современный перевод, но не абсолютно свежий и не слишком современный. Но все-таки это важный шаг в том смысле, что мы не только все еще пользуемся английским языком, но и особенно стремимся к тому, чтобы этот язык был настоящим, чтобы мы никак не прятались за искусственным, даже красивым искусственным языком, когда мы обращаемся к Богу.

— Может быть, английский, или японский, или, в конце концов, для русских — русский и более понятен, но ведь церковнославянский особенно приятен для восприятия, и люди привыкли к нему: он красив, благозвучен, он сочетается с образом храма, с иконами, с песнопениями. Люди настолько любят и настолько принимают, пусть не очень понимая, этот язык, что порой некоторые, благочестиво ошибаясь, даже считают, что Сам Христос говорил по-церковнославянски. Даже в вашем приходе есть русские, как же эти люди лишаются своего предания, векового предания?

— Нет, никого не надо ранить, никого не надо отчуждать реформами какими бы то ни было, даже оправданными реформами. Вот, например, завтра, когда я буду служить литургию, я буду употреблять не только более или менее современный английский язык, но и церковнославянский язык — для того, чтобы поддержать как раз таких людей, которые ищут в церкви такое благолепие и такое предание. Но тут важный момент: нельзя пользоваться только церковнославянским языком, даже по тем причинам, которые Вы только что перечислили, потому что если следовать Вашим принципам, или тем принципам, о которых Вы говорите, то в конце концов получается церковная жизнь, которая отождествляется с музейной жизнью. Церковь становится музеем — хранилищем всего красивого, всего прекрасного нашего предания, но тогда чем высокопарней все это, чем более возвышенно, чем менее понятно, тем лучше. Но в конце концов Церковь не для того существует (и для этого никак не мог воплотиться Христос), чтобы мы как-то особенно красиво воспевали какую-то красивую мелодию, пользуясь каким-то красивым непонятным языком. Господь воплотился по-настоящему и жертвенно, лишаясь всякого благолепия, поэтому и мы также должны опасаться всякого благолепия, чтобы лучше понять, лучше воспринять и лучше применить ту Истину, которая и есть Христос в воплощенном виде.

— Ваш приход можно с полным правом назвать миссионерским. Соответственно, Вас я с полной уверенностью назову миссионером: Вы ведете эту работу уже давно и представляете в Англии Русскую Православную Церковь. Я же хочу у Вас спросить о внутренней миссии, то есть о миссии внутри России. Это же огромное неохваченное поле. Не думали ли Вы перенести, принести эту миссию в Россию, где она так нужна сейчас?

— О себе лично я не имел такого представления, что я могу, скажем, переехать в Россию, или чтобы мы, как церковная единица, могли бы перенести нашу деятельность в Россию. Единственное, что я могу сказать, это то, что даже не переезжая туда (что трудно во многих отношениях, в том числе и психологических, и социальных, не говоря уже о денежных проблемах), мы, пользуясь достижениями современной техники, можем нашими радиопередачами чем-то поделиться из нашего опыта, из нашего понимания, из нашего созерцания. Конечно, это не все, что можно делать, но я рад, что хоть это можно делать. И

этим я уже занимаюсь 15 лет, 20 лет — даже не помню, когда все это началось. То есть, это раньше началось, еще до меня, но я рад, что этим занимаюсь. На днях в Оксфорде, в институте Кестона как раз было совещание о миссионерской деятельности, особенно западных миссионеров в России. Я присутствовал как гость, и может быть полушутя, может быть в качестве упрека какой-то русский представитель, когда меня представили, не сказав откуда я точно и каков мой приход, спросил: «А приход какой?» Я также полушутя, конечно, ответил: «Многომиллионный». Это, конечно, гордо звучит и, конечно, это не мой приход, но тем не менее, хотя приход у нас в самом деле маленький, а тот «приход», который в каком-то смысле мне доступен, он не мой приход, но эта моя обязанность перед этим многомиллионным «приходом» является настоящей, и это поле моей деятельности и поле нашей деятельности. Мне дается там возможность хоть что-то принести очень многим потерянным христианам, и православным, и неправославным, каждый из которых нуждается в помощи, поддержке и просветлении.

— *Вы совершенно правильно сказали про многомиллионный приход. Действительно, в России о. Сергей Гаккель во многом известен именно как создатель и вещатель религиозного журнала «Воскресение». Но как трансформировалась, как изменилась направленность журнала в течение этих 30 лет, когда в России произошло огромное количество изменений? Что Вас больше всего волнует в данный момент, о чем у Вас болит душа, и что Вы хотите поведать русской аудитории?*

— Да, в самом деле, деятельность нашей программы очень изменилась по своему характеру в течение этих лет. И, конечно, надо сказать, что то, что мы сейчас передаем, это совсем не то, что передавалось раньше, в годы глушения, в годы преследования веры в Советском Союзе. Было такое время, еще до моего участия в этой программе, когда главным образом передавались церковные службы, и церковные службы, и церковные службы... Тогда большинство храмов в Советском Союзе были закрыты, и мало кто слышал церковное песнопение даже на славянском языке, ни на каком языке ничего не было слышно. Тогда проповедовал уже митрополит Антоний — или архиепископ, или епископ Антоний, или отец Антоний, и это был единственный голос такого священнослужителя (я говорю только о передачах Би-Би-Си, я не говорю об Америке, где отец Александр Шмеман то же самое делал по «Голосу Америки» и по «Свободе»). И поэтому, конечно, к нему особенная тяга русских верующих, ведь только от него, от одного-единственного архиерея слышали они церковную правду, церковное слово, слово Христово. Теперь все изменилось: службы, может быть, уже совсем не нужны, поскольку за каждым углом, на каждом шагу можно войти в открытый храм, и жалко, что только небольшое количество людей находит эти храмы и молится там (это уже говоря о действительности). Поэтому передавать добавочные церковные службы совсем не приходится. И мы уже болеем не об отсутствии церквей, не об отсутствии служб, и даже не об отсутствии проповедей, а о морали, о праведном поведении людей, о том, что люди тем не менее — несмотря на службы, несмотря на проповеди, несмотря на присутствие пастырей на каждом углу, все-таки без пастыря блуждают, не находят свой путь, не могут с уважением относиться друг ко другу, содействовать друг другу и помогать всем нуждающимся, число которых все растет и растет по всей России: матерей-одиночек, калек, бездомных, людей, которые потеряли почти полностью свою пенсию, инвалидов. Тут огромное количество людей, которым всем надо помогать, и о существовании которых надо напоминать из часа в час, из года в год. Для того, чтобы как следует им помогать, не только подачками разными, но и всесердечно, полностью, по-человечески, надо помочь людям осознать — что такое человек, какие его возможности и обязанности. И в области пастырского богословия также можно создавать нужные и полезные программы. Очень хотелось бы, чтобы мы привыкли, что для того, чтобы каким-то образом доказать свою правоту, свою веру, не надо стремиться просто опровергнуть веру чужого нашего брата — католика, скажем, квакера, иудея или

мусульманина. Их вера также должна пользоваться уважением. Мы можем и к ним относиться с любовью и давать и им возможность сказать о себе и доказать свое достоинство. Значит, мы можем и должны заниматься межрелигиозным диалогом, мы можем и должны заниматься межконфессиональным диалогом. Не для того, чтобы получалась какая-то общепризнанная сумма всех существующих учений, но для того, чтобы дать всем возможность лучше проникнуть, и понять, и оценить веру соседа, веру чужого, веру может быть очень странную во многих отношениях, но тем не менее ценную и важную, мы еще не знаем в каком отношении. Бог один знает, почему существует такое разнообразие церквей. И надо допускать, что и та и другая вера в каком-то смысле и до какой-то степени, а может, и со всей полнотой доводит людей до Самого Бога. Ведь в Евангелии сказано, что и с Севера и с Юга, с Востока и с Запада придут люди, которые первыми войдут в Царствие Небесное, опережая призванный народ иудейский. Этого, конечно, иудеи не могли ожидать. Но и сами мы должны допустить, что и наша вера находится в таком же положении: будь то вера православная, будь то вера католическая или другая, — что и нас могут опережать самые разные веры, а мы совсем этого и не можем ожидать и будем даже оскорбляться, что это в самом деле так.

— Для того, чтобы вести такую деятельность, для того, чтобы проводить межконфессиональные диалоги, нужно раз и навсегда осознать, что конфессиональное разделение, разделение церквей, является неправильным, недолжным, принять разделение как грех, и уже как плод покаяния принести процесс какого-то совместного действия. Но насколько сейчас доступно православному русскому уху такое понимание, и как понять, что это разделение греховно?

— Основная истина христианской церкви — это слова Спасителя «да будут все едино». Если мы не едины, значит что-то плохое произошло, значит грех. Как исправить этот грех — это другое дело, но мы должны чувствовать, что это наша обязанность. А просто принимать как должное, как хорошее, как праведное те разделения, которые произошли давным-давно и иногда по совершенно чуждым нам и по чуждым Церкви причинам — это безответственно и безответственно в самом глубоком смысле этого слова. Как будто мы не отвечаем за то, что произошло. А мы в самом деле отвечаем, потому что мы, хотя и не участники того, что произошло, но все-таки принимаем все последствия и принимаем пассивно. Пассивно же их принимать мы не должны. Конечно, это не значит, что мы можем опровергнуть то, что было решено на каких-либо святых и даже Вселенских соборах. Но одно дело нам показывает, насколько могли ошибаться и они, те великие Вселенские соборы, которые принимали решения, например, о разделении между монофизитами, как мы часто их тогда называли, и православными. Это те церкви, что мы называем теперь Восточными православными церквями, которые находятся, ну, скажем, в расколе с Православной церковью. Мы говорим в данном случае об Эфиопской церкви, о Коптской церкви, об Армянской церкви, о Сирийской церкви — не православных по нашему определению. Но вот в последние десятилетия собираются богословы Православной церкви и Восточных церквей, тех, о которых я сейчас говорю, и без всяких натяжек, очень добросовестно занимаясь этим делом, определяют, что решения тех времен — 1600 лет тому назад — ошибочны, необоснованны, несправедливы, и что мы поэтому можем и должны заново все это продумать и вернуться к единству, и как можно скорее. До сих пор приняли это решение именно богословы и видные богословы всех заинтересованных церквей. Теперь должны применять эти решения церковные власти: патриархи и соборы всех поместных церквей, чем и занимаются некоторые из них. Вот, например, патриарх Коптский Шенуда разъезжает по всем странам православного мира, уговаривая каждого патриарха каждого священного синода, что это должно быть, и что мы должны, и в скором будущем должны, приступить к принятию того соглашения, которое по существу уже есть. Мы уже не враждуем друг с другом, мы уже не разделены: никакие принципы, никакие верования нас не разделяют. А если так, то, конечно, должны мы действовать и дальше: понимать и применять

эти решения богословских комиссий и объединяться опять в ту единую, святую и соборную Церковь, которая в действительности и не была разделена, несмотря на решения разных великих соборов, в том числе и Халкидонского собора 451 года. Это только один пример, но этот пример существует, а кто бы мог подумать, скажем, во времена до епископа Порфирия Успенского в XIX веке, что такие действия могут иметь место. Если такие деяния предстоят, тогда, конечно, предстоят и другие деяния, другие шаги. Например, по отношению к Католической церкви, с которой нас очень мало что разделяет, и к единению с которой очень многие стремятся, в том числе, с их стороны, и папа Римский. Многие боятся его объятий, считают, что это ложный шаг, лишь бы завоевать какую-то новую позицию по отношению к православному миру. Но это мелкие мысли и мелкие мыслители, кто так мыслит. Надо нам принять всерьез то, что нас объединяет, а не только то, что нас разъединяет, и тогда мы сможем с нужной серьезностью, добросовестностью и верою заняться и теми вещами, которые нас до сих пор разъединяют, чем и занимается общая католическая и православная богословская комиссия, которая время от времени собирается и пытается продвинуться дальше по этому пути. Это уже второй пример, но найдется еще третий, четвертый, пятый... в том числе и невероятные примеры, о которых в данный момент даже нельзя подумать, то есть они просто не приходят нам в голову, до такой степени они невероятны и необычны, что совсем еще не значит, что невозможны. То, что невозможно в данный момент, тоже надо принимать всерьез. Нельзя отказываться от невозможного, нельзя говорить, что то или другое невозможно, не приступив даже к данному делу. Опасаться нечего. Жертвенно продвигаться — несмотря на осмеяние, на хулу, на разочарования, на унижения, которые переживают те или другие члены нашей церкви или той церкви, с которой мы ведем или хотим вести какой-нибудь диалог. Уступить этим чувствам было бы грешно и боязливо.

— Ну, в конце концов, вопрос христианского экуменического движения христиане так или иначе, рано или поздно понимают и воспринимают, вчитываясь в слова Евангелия. Православные люди тоже рано или поздно приходят к вселенскому пониманию Церкви, и во Всемирном Совете Церквей православные тоже участвуют как наблюдатели или как активные деятели. Но Вы упомянули вопрос и проблему отношений с иудеями, и я знаю, что в своих речах и выступлениях Вы сейчас наиболее остро поднимаете этот вопрос. Я также знаю, что РПЦ сейчас славится своей антисемитской направленностью. С этим ли связана Ваша деятельность на этом поприще?

— Не только с этим, хотя против антисемитизма, находится ли он на почве РПЦ или просто в окружении РПЦ, то есть в России как таковой, надо бороться и всегда надо бороться. Но это вопрос и всемирного масштаба.

— Отец Сергей, упоминание этой проблемы мне кажется немного странным, потому что христиане сейчас с трудом разбираются сами с собой, друг с другом, и проблемы эти неразрешимы веками. Не кажется ли Вам, что больше, чем достаточно, христианам заботиться еще и об иудеях?

— Трудно сказать, кем не надо нам заниматься. Мы должны принимать в учет всех и повсюду. И вот главное, чего не хватает — это любви ко всем и ко всему. Это не значит, что мы должны всё и всегда принимать таким, каково оно есть, но с любовью относиться, со вниманием относиться, с уважением относиться даже к чужим явлениям — это, я думаю, часть нормальной христианской жизни. А разве еврейскую веру можно считать чужим явлением? Наши корни, наши общехристианские корни, в том числе, конечно, и православные корни именно в ней, в еврейской вере Самого Спасителя нашего Иисуса Христа. И отвергать все, что было и есть эта вера, это своего рода святотатство, отказ от своего прошлого и отказ от нужного элемента, который может и сейчас быть, — в том смысле, что мы до сих пор можем

питаться той верой.

Мы чаще всего говорим: «Нет, надо иудеев переводить в православие или в христианство. У них такой недостаток, что они не поверили в Спасителя, распяли его». Мы говорим, то есть не я говорю, а часто говорится, что они Его распяли. Это, значит, вечный такой грех. Забывают при этом, что в конце концов, главные, кто распинали Спасителя — это римляне, с участием, может быть, иудеев, евреев, но не без обязательного участия римлян. Приписывать же иудеям как таковым, евреям как таковым такой грех совершенно непростительно, невозможно и не по-христиански, так же как нельзя и римлянам приписывать этот грех во веки веков. Это означало бы как-то отрицательно относиться к теперешним итальянцам, к Риму теперешнему, потому что в свое время представитель Римской империи решил распять нашего Спасителя. Так что тут, как и вообще во всех таких вопросах, должна преобладать любовь, внимательность, терпение, и мы должны питать все это своей работой. Вот как раз такой работой я и занимаюсь, и многие занимаются.

В Великобритании это хорошо поставленное дело: дружба с иудаистами, совместные обсуждения разных трудных вопросов. Конечно, у нас есть трудные вопросы. И это уже с сорок второго года нашего столетия, то есть со времени войны, было основано и пущено в ход в Великобритании, и это распространяется по всему миру, и хорошо, что распространяется, и в Америке, и в Европе, и в других странах мира. Чтобы сблизить, хотя бы сблизить иудаистов с христианами, да, конечно, мы должны заниматься этим делом, тем более, что есть такие совершенно ложные представления у некоторых русских, я говорю не только о православных, а у ряда русских вообще, но и у православных в том числе, о вреде, который приносят иудаисты или евреи во всемирную историю.

К сожалению, до сих пор используются при этом совершенно ложные документы, например, так называемые «Протоколы сионских мудрецов» — эта фальсификация XIX века, которую давно надо было бы отвергнуть, если не сжечь. Ведь это до такой степени немыслимо ложная вещь, которой, надо сказать, особенно удачно пользовались нацисты, в том числе их главный «философ» Розенберг, в преследовании евреев в нацистский период по всей Европе! Жалко, что как раз покойный митрополит Иоанн Петербургский взялся и за эту фальсификацию: он очень осторожно иногда говорил, что не вполне доказано, что это фальсификация, и поэтому пользовался ее изречениями, мыслями, доводами. На самом деле доказано, что это фальсификация. И все это приводит к ненависти, к столкновениям, в конце концов и к погромам, страшнейшие из которых мы пережили в течение нашего XX века — при нацистах, при холокосте, при истреблении еврейского народа, которым и занялся Третий рейх. И это давно должно было бы нам показать, к какому злу ведет это отрицательное отношение, которое привело к этой фальсификации, к этим фальшивым учениям, к отрицательным учениям о евреях и об иудаизме. Тут я приведу одну фразу святейшего патриарха Алексия II. Когда у меня один раз было с ним интервью, он, отвечая на вопросы о его выступлении в Америке по поводу нашего, то есть христианского, родства с иудаизмом, сказал: «Я против всякого рода антисемитизма, какого бы то ни было толка». И это хотя бы начальное положение для каждого из нас. Это только отрицание антисемитизма, но надо идти дальше: надо и положительно строить, надо углубляться во все наши общие вопросы и проблемы. Но хотя бы это каждый должен считать своим долгом — отрицать всякого рода антисемитизм.

— Антисемитская направленность в церкви — это тоже проблема не новая. Сейчас я говорю вообще о христианской церкви, не только о православной, где, может быть, это наиболее трудно. Как Вы правильно сказали, отрицание антисемитизма — это лишь начало, начало новой работы. Но наверное, корень зла лежит не в самом антисемитизме, а в оскудении любви, которое особенно характерно для нашего времени. Какие опасности Вы

видите в связи с этим?

— Такое оскудение, конечно, вещь ужасно опасная, но я не смею говорить об оскудении любви только в наше время. Я думаю, это всегда было опасностью: и во времена Спасителя, и в Средние века, и в XIX веке. В любом обществе и в любом веке. Любовь надо всегда возгревать, насыщать, надо питать ее, надо бережно относиться к любви, а то она в самом деле оскудеет. Сама по себе она не существует так свободно в нашем падшем мире. Поэтому я бы не сказал, что именно в наши времена существует такое новое явление — оскудение любви. Возгревать, развивать, возвышать любовь — это постоянная нужда. А постоянная опасность в том, что мы готовы на оскудение любви. Нам даже легче: не надо так трудиться, не надо так заботиться о других, можно довольствоваться разными своими достижениями и благами. И то, что другие нуждаются в нашей любви, в нашей помощи, в нашей поддержке — это может нас не беспокоить. И тогда мы живем спокойно и в довольстве, что ужасно опасно, и что именно самое опасное для веры христианской.

— Любовь — это всегда труд: постоянный, непрестанный, и неустанный. Мы знаем такое определение Бога: Бог есть Любовь, и вполне можем перенести это понимание на Церковь. Где Церковь, там есть Бог, там есть Любовь. Как Вы, пастырь, доносите это понимание до своих прихожан? Какими словами Вы приближаете это понимание?

— Ужасно трудный вопрос. В конце концов, я думаю, никакие слова никого не приблизят к Любви, если они не слова, которые выражают любовь, то есть, которые относятся к настоящей любви того, кто их произносит. Поэтому надо быть таким человеком, который и есть любовь, который испытывает любовь, который выражает любовь. Нельзя говорить что-то о любви, если этого элемента нет. На радио, когда нет прямого контакта со слушателями, еще труднее показать, что в основе того, что сказано, лежит подлинная любовь. Я думаю, что только тоном голоса можно что-то сказать и то не всегда, и не всегда удачно. Тут можно сразу обратиться к евангельским словам, к апостольским посланиям, к пророкам и так далее. Можно и к мученикам, и в особенности к новомученикам обратиться, цитируя их, но цитируя не как литературные цитаты, а именно как то, что помогает этому человеку излить и показывать свою подлинную любовь. Это такая особая проба, это как серебро, как золото: иногда что-то блестит, и можно сказать, что это у Вас серебро. Но если есть проба, если марка нужная стоит, тогда это уже раз и навсегда подтверждает, что да, это и есть чистое золото, чистое серебро. Также и любовь должна являться «пробой».

— Есть рассказ, как один католический священник на недоумение благочестивого монаха об излишней роскоши в убранстве храмов сказал, что все великолепие храмов, красота и позолота — это лишь достойное обрамление той жемчужины, которая есть Христос. Куда бы Вы сейчас поместили эту жемчужину, в какую оправу?

— Главное — это, конечно, жемчужина, а не оправка. В течение многих веков это нам постоянно показывали аскеты нашей Церкви, подвижники нашей Церкви. Вот святой Франциск Ассизский, скажем, тоже показал нам пример, как от всего можно отказаться, даже от храма можно отказаться, от всяких одеяний можно отказаться, от облачения, не говоря уже о самих жемчугах, золоте и серебре. Так действовал человек, который в юности привык к богатству, но полностью отказался от всего. Так и св. Антоний Великий — подвижник египетский, один из основателей православного и всемирного монашества, и он отказался от богатства для того, чтобы не отвлекаться ничем материальным при служении воплощенному, смиренно воплощенному, кинетически воплощенному Сыну Божию. Так что есть такое очень положительное предание. Конечно, архиереи, вельможи всех веков христианства не обращали на это никакого внимания, и есть огромные сокровища сомнительного рода, когда церковь зарабатывала огромные деньги, пользовалась огромными деньгами для того, чтобы показать

наяву, какова сила христианства, какое есть благолепие у христианства, для того, чтобы убедить себя, убедить публику, что надо в самом деле поклоняться нашему Богу, Который в такой силе и блеске показывается людям. Но вспоминается при этом и Золотой телец в пустыне при Моисее. Легко отвлекать людей от подлинного Бога, от подлинной веры разными золотыми телятами. Но вот кто не соблазнился на это, можно дать такие примеры: преподобный Сергей Радонежский служил, пользуясь деревянной чашей для Евхаристии. Деревянной, простой, народной, можно сказать. Преподобный Нил Сорский отказывался от всякого показа, от всякого блеска, от всякого металла даже, чтобы простой деревянный крест воссиял по-настоящему в сердцах людей, и чтобы не оказывали на людей совершенно ложное влияние драгоценности мира сего.

Насчет драгоценностей мира сего вспоминается конфискация всех церковных драгоценностей в 1922 году при советском правительстве, которое пользовалось тогда голодом на Волге и всеобщим голодом для того, чтобы забрать у церкви то, что придавало ей какую-то власть, какое-то значение, какой-то блеск — имущество всякого рода, в том числе изделия из драгоценных металлов: из золота и серебра, и украшения из всяких жемчужин. Конечно, это был ложный повод, чтобы преследовать церковь и веру, но церковные власти, в том числе и св. новомученик митрополит Петроградский Вениамин, охотно готовы были пожертвовать и пожертвовали все, что могли, и что церковь могла — лишь бы не самые святые вещи — для того, чтобы спасти ближнего, для того, чтобы помочь голодающим. Тем не менее, его казнили за то, что он якобы скрывал церковные ценности, не отдавал их. Это, конечно, был совершенно ложный суд, и к тому же ложный был повод к этому суду, тем более, что большие драгоценности в действительности совсем и не передавались на пользу голодающим.

Тем не менее, митрополит Вениамин показал нам совершенно правильный путь: от всего этого можно отказаться, от всего этого даже надо отказаться, если любовь человеческая, если любовь христианская требует этого, если мы пользуемся какими-то драгоценностями, а при этом погибает наш брат. Закон любви — самый главный. При этом вспоминается, как смиренно определяется роль самых великих вельмож, в том числе и роль папы Римского, который с древности носит очень важный титул — раб рабов Божиих, служитель служителей Божиих. Смирнее определить роль даже такого патриарха, даже такого вельможи нельзя. А это напоминает нам и о служении Самого Спасителя, и о том служении, которое Он завещал Своим последователям: апостолам и ученикам.

Беседовала Елена Наринская

Лондон, июнь 1997

: Конфликт в Томской епархии

Церковная жизнь

Тревожащие известия из Томска

В последнее время из разных епархий нашей церкви все чаще поступает информация о нестроениях и конфликтах между епархиальным начальством и наиболее уважаемыми священниками и живыми общинами. Мы не торопимся делать выводы, но считаем необходимой публикацию этих материалов как выражение нашей тревоги.

27 декабря 1997 года Томская Телерадиокомпания «ТВ-2» в информационной программе «Час пик» взяла интервью у священника Александра Классена по поводу возникшего конфликта

клира и мирян епархии с новым епископом владыкой Аркадием. Отмечалась странная кадровая политика, при которой наиболее известные священники были сосланы на окраины области, а также «обильные пиршества и возлияния» нового владыки и репрессии по отношению к несогласным, а главное, странное и извращенное внимание владыки к молодым священникам и прихожанам. В ответ на выступление два священнослужителя о. Александр и диакон Роман были запрещены в служении, последовали и новые репрессивные назначения. Однако в настоящее время ведется сбор подписей под письмом патриарху с просьбой разобраться в сложившейся скандальной ситуации. Поддержали обращение представители православной интеллигенции Томска и виднейшие правозащитники. Ранее один из известнейших людей Томска, лидер «Мемориала» В. Г. Фаст пытался передать письмо патриарху Алексию, однако ему не удалось добиться аудиенции. Конфликт получил широкое освещение в местной прессе. В настоящее время конфликт продолжает разрастаться. Команда епископа начала сбор подписей под альтернативным письмом («все это — клевета...»), есть попытки шантажа с тем чтобы найти «свидетелей» того, что якобы не было факта попытки растления молодого человека, с которой собственно и начался конфликт».

Всеволод Лыткин, Радиоцерковь, Новосибирск

2 января 1998 г.

Николай Кашеев

Вместо послесловия*

Еще никогда конфликт, имеющий видимость внутрицерковного, не выплескивался на телеэкран и газетные страницы. Начался он на личностном уровне. Камешком, вызвавшим лавину, стал эпизод, в котором выпало участвовать дьякону Роману Штаудингеру. Этот случай 54-летний епископ Аркадий на встрече с делегацией прихожан Святопетропавловской церкви представил так: «Я со Штаудингером общался при секретаре, наместнике и еще трех людях. Он пришел, вот так вот весь трясется. Я ему говорю: «Сынок, ты что?» Погладил его по головке, потрепал его за носик. Говорю: «Ты ведь пришел к старику-епископу». Этого было достаточно, чтобы мне в конце шестого десятка прилепить такую грязь».

Более неприглядное описание той же сцены дает дьякон Р. Штаудингер. От своих слов он не отказался даже перед угрозой потерять сан.

Хроника такова. Тесть дьякона, мирянин Вильгельм Фаст, встревоженный рассказом родственника, позвонил Владыке и сказал: «Мне кажется, Вы допустили неэтичность по отношению к моему зятю». С этого момента в епархии бушуют страсти невиданной силы. Обвинения во лжи и клевете носят взаимный характер. Владыка объясняет поведение противной стороны досадой по поводу неутверждения ректором Томской духовной семинарии отца Геннадия Фаста, брата Вильгельма Фаста. Сам В. Фаст и его близкие считают такой аргумент не более чем уловкой. Для разрешения конфликта они намерены добиваться церковного суда. «Церковного суда не будет», — со знанием дела говорит епископ, и его слова находят подтверждение. В. Фаст побывал в Московской Патриархии. Однако управляющий делами его не принял, поскольку томич приехал без благословения Владыки. Канцелярия Патриархии отказалась принять и письменное заявление. Оставалось воспользоваться услугами почты, что не давало никаких гарантий.

Пытаясь вырваться из замкнутого круга, священник о. Александр Классен, также доводящийся В. Фасту зятем, пошел на беспрецедентный шаг и выступил по ТВ-2 и в АТВ-новостях с публичной критикой Его Преосвященства. Прихожане Святопетропавловской церкви на

спичфабрике организовали сбор подписей в защиту своего пастыря. Тем временем среди верующих пошла толка о тихом проникновении в православие идей протестантизма.

Отец Александр, оказавшийся на острие событий, — личность незаурядная. Шесть лет назад он стал служить в помещении бывшего клуба, где до революции располагалась построенная купцом Кухтериним церковь. Начав с нуля, настоятель возрожденного храма сплотил постоянную общину около 200 человек. Церковь о. Александра была единственной в городе, где людей крестили бесплатно и по полному обряду. Сюда ехали помолиться верующие со всех концов города и области. И поныне паства о. Александра или, во всяком случае, ее большинство морально поддерживает своего батюшку.

По национальности немец, в православие о. Александр перешел уже в сознательном возрасте и с пылкостью новообращенного отдал себя служению Богу. Он без колебаний готов выступить против всего, что идет вразрез с его представлениями о церковном благочестии.

Владыка Аркадий в сане четвертый десяток лет. Он видел много и многих, но неизвестно, сталкивался ли архиерей с такими, как о. Александр. И вот их пути скрестились.

Из личностно-этического противостояние быстро перешло в разряд принципиальных. Позиция Его Преосвященства зиждется, в частности, на 39-м Апостольском правиле: «Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их. Если же дерзнут такое творити, да будут извержены из сана».

О. Александр признает этот канон, но считает его неотрывным от других канонов, говорящих, каким должен быть епископ. Он, например, ссылается на Соборное послание св. ап. Петра (5: 2,3): «Пасите Божье стадо, какое у вас, надзирая за ним не по принуждению, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду». «Аще кто из клира досадит епископу, да будет извержен...» — цитирует Владыка, порицая непослушание иерея. О. Александр приводит слова апостола Павла: «И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте». Священник считает, что для Церкви страшней сокрытие грехов духовенства, чем их разоблачение. Владыка убежден, что пастве епископ не подотчетен. «Паства — это Церковь, — возражает о. Александр. — А Церкви епископ подотчетен».

Таким образом, конфликт вышел за пределы внутрицерковной жизни. Ведь паства — это десятки тысяч томичей, которые хотя бы иногда приходят в Храм Божий. Теперь предмет спора — отношения Церкви и общества. Мы видим два взгляда на один и тот же вопрос и вольны выбирать между ними.

* Томский Вестник», 9 января 1998 г.

: Переписка. В продолжение «дела храма Успения в Печатниках»

Церковная жизнь

Переписка Письмо из Парижа

Ответ прот.Б.Бобринскому Письмо Д.В.Поспеловского

1.

Его Святейшеству Алексию II, патриарху Московскому и всея Руси

Ваше Святейшество!

Позвольте нам обратиться к Вам, чтобы высказать ту боль, которую вызывает в нас напряжение, создавшееся между о. Георгием Кочетковым и теми, кто обвиняет его в том, что своими, как они говорят, новшествами он угрожает самому бытию православия. Нас огорчает, что православные братья, с которыми мы находимся в духовном общении, к какой бы тенденции они ни принадлежали, ведут между собой войну. Мы понимаем, что русская Церковь, после десятилетий гонений, должна прежде всего восстановить тот традиционный дух литургии, который передавался из поколения в поколение. Но мы понимаем и тех пастырей, которые, опираясь на традицию — подготовленную с девятнадцатого века, выявленную на Соборе 17-го года и продолженную в трудах многих богословов в эмиграции, — хотят, чтобы прихожане сознательнее и полнее участвовали в литургической жизни, в частности на понятном для всех языке. Надо постепенно готовить к этому верующих и добиваться, по возможности, общего согласия. Когда дело касается Святых Таин, мы можем полагаться только на Духа Святого, на Котором зиждется наше единство. Мы молимся, чтобы рассеялась эта атмосфера недоверия, запальчивости, чтобы прекратились обвинения, иногда столь резкие, что они становятся в противоречие с тем миром — не от мира сего, — который даровал нам Христос.

И во Франции, и на Западе труден путь, ведущий к единству православных. Мы всегда видели в русской Церкви, в ее неисчерпаемом духовном богатстве, образец горения и единства при разнообразии ее составных частей. Мы хотим заверить Вас в нашей поддержке: Вы являете собою тот символ единства, к которому соотносятся все.

Заверяя Вас в нашем глубочайшем уважении, мы испрашиваем Вашего патриаршего благословения,

Протопресвитер Борис Бобринской,

свящ. Михаил Евдокимов,

Елена Аржаковская-Клепинина,

Елена Бобринская,

Всеволод Гусев,

Оливье Клеман,

Николай Лосский,

Вероника Лосская,

Никита Струве,

Иван Чекан

2.

Патриарх Московский и Всея Руси Алексей

3. 11. 1997 г.

№ 4772

119034, Москва, Чистый пер., 5

Его Высокопреподобию, протопресвитеру Борису Бобринскому, декану Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже

Ваше Высокопреподобие, отец протопресвитер!

Неправильности современной церковной жизни огорчают всех истинных членов Православной Церкви. Огорчает нас также и то, что в средствах массовой информации и в отнюдь не беспристрастных суждениях «широких кругов мировой общественности» систематически фальсифицируются причины возникающих трудностей и ответственность за них возлагается «с больной головы на здоровую».

Что касается о. Георгия Кочеткова и создавшегося вокруг него напряжения, то дело тут не в его желании сделать литургическую жизнь более понятной для современных верующих и помочь их более полному участию в ней — этого мы все желаем, — а в серьезных эклизиологических, дисциплинарных и духовных искажениях церковной жизни, опасность и вредность которых для бытия Русской Православной Церкви остается неосознанной многими на Западе. Случай откровенного насилия, учиненного о. Георгием и его последователями над вторым священником прихода, был обстоятельно расследован авторитетной комиссией, возглавляемой епископом, и вынудил законные и необходимые прещения. Думаю, что для единства и мирной жизни Церкви бесполезно поощрять безумную гордыню, доводящую до безрассудных поступков, тенденциозную критику, недоверие и неуважение к священноначалию. Мне кажется, что правящему Епископу проблемы, возникающие в его епархии, не менее близки и не менее понятны, чем сочувствующим издали — из другой страны, из другой юрисдикции. Ваше письмо производит впечатление, что Вы односторонне информированы и недостаточно ориентируетесь в реальной церковной жизни в России.

Благодарю Вас за заверение в поддержке Церковного единства и меня лично — принимаю это и как решимость не поддерживать в дальнейшем тех, кто ведет раздорническую деятельность.

Патриарх Московский и Всея Руси

+ Алексий II

3.

Москва - центр

Чистый пер., 5

Московская Патриархия

Его Святейшеству, Патриарху Московскому и всея Руси Алексию

Ваше святейшество, дорогой Владыко!

Кровью обливается сердце с каждым новым известием о гонениях на самых лучших, самых миссионерски деятельных и успешных пастырей Русской Православной Церкви и на плоды их

духовного, педагогического, миссионерского творчества.

И самое ужасное то, что гонителями их оказываются не КГБ или еще какие-либо силы воинствующего атеизма, а Вы, Предстоятель Русской Церкви. Хочется верить, что делаете Вы это по неведению, будучи введенны в заблуждение какими-то злыми силами, окружающими Вас. Но ведь у Вас есть возможность лично проверить факты и добиться истинной информации или по крайней мере ознакомиться с показаниями другой стороны, прежде чем гнать и запрещать! Вот если бы Вы хотя бы побывали на богослужениях таких пастырей. К сожалению, в отношении о. Георгия это сейчас невозможно, пока он под запретом.

Помните, как года два назад Вы меня заверили, что ни в коем случае не будете мешать миссионерско-просветительной деятельности о. Георгия Кочеткова и согласились со мной, что в этой области его деятельность положительна и уникальна, что вероятно ни один пастырь в РПЦ не приводит новых чад в Церковь через такой продолжительный и доскональный процесс катехизации, как о. Кочетков. Но вот в прошлом году, по наветам только одной стороны — психически больного иерея Михаила Дубовицкого и двигавших им в провокационных целях Шевкуновым и Ко. — Вы запретили о. Георгия в служении; кстати, буквально накануне того как прокуратура признала обвинения против него несостоятельными, а психиатрическая экспертиза признала Михаила Дубовицкого психически больным! Так что именем Вашим произведенное судилище оказалось Шемякиным судом (не будут ли историки в будущем сравнивать его с судом над Максимом Греком в 16-м веке?) или, как я писал Вам прошлой весной, с судом Буратино: тебя обокрали, значит ты виноват!

С большим опозданием — из-за медлительности почты — получил печальную весть о ничем не оправданном снятии Вашего благословения со всех школ, основанных и руководимых отцом Георгием, то есть изъятии этих школ из образовательной структуры Московской патриархии. И это при крайнем дефиците, как количественном так и качественном, учебных заведений в РПЦ, когда большинство ее семинарий — не говоря уж о духовных училищах — находятся на очень низком академическом уровне, а подавляющее большинство духовенства, богословски безграмотное и невежественное, вместо духовного просвещения и сеяния зерен любви Христовой занимается запугиванием своей паствы всевозможными мифами о враждебном окружении, о мифическом жидо-масонском заговоре. Согласитесь, что эти мифы и дух ненависти и подозрительности, распространяемые теми, кто по призванию должны учить любви и всепрощению, гораздо опаснее и для человеческой личности, растлеваемой такими пастырями и таким «учением», и для российского общества в целом, чем то, что Вам может не нравиться в пастырской деятельности или богослужебной практике о. Георгия. Тем не менее, он под запретом Вашим (а теперь тому же подверглась и его школа), его двухтысячная паства лишена и пастыря, и храма, который теперь пустует при новом настоятеле, а при о. Георгии был переполнен интеллигентной молодежью, неопитами; а священники-обскуранты процветают, и в храмах их распространяются «Протоколы сионских мудрецов», изъятые из продажи в царствование Николая II, по настоянию Столыпина, как фальшивки, человеконенавистнические брошюры вроде «Антихриста в Москве», «Радонежа» и прочей макулатуры.

Неужели Вы не понимаете, что уступки обскурантам грозят поставить Вас в то же положение, в котором находится теперь Грузинская Патриархия? Что такая церковная политика неизбежно ведет РПЦ по пути маргинализации в обществе?!

Как Вы знаете, я много езжу по России, читаю лекции не только в семинариях, но и в государственных учебных заведениях и вижу будничную жизнь Церкви, не наполнение и переполнение храмов по случаю Вашего приезда и служения. С грустью наблюдаю рост падения интереса к Православной церкви. К протестантским и католическим миссионерам

идут не потому, что они агрессивны, а потому, что люди, ищущие пути к Богу, не находят его в наших заурядных приходах. Пришлось мне разговаривать на эту тему с некоторыми студентами, ставшими одни католиками, другие протестантами. Все они начинали с того, что пошли в Православную церковь, даже некоторые крестились в ней, но места себе не нашли: службы на славянском языке не понимали, ни священник, ни приход на них внимания не обращал, никто не пытался просветить, воцерковить их. И они ушли. В Красноярске, например, я побывал в местной католической монашеской общине. Там встретил немало (относительно к католической общине и по сравнению с положением в православном соборе) студенческой молодежи — новообращенных католиков. Там и библиотека, и музыкальный кружок, и кружки духовного самообразования. Зайдя в первый раз в католическую церковь на богослужение, они, во-первых, услышали богослужение на родном и понятном русском языке, во-вторых, к ним подошли, на них обратили внимание, окружили любовью и предоставили возможность духовного роста с помощью дружественных и хорошо образованных молодых пастырей. Вот в чем суть.

Аналогичное отношение к пастве и к приходящим впервые в храм в РПЦ я встретил только в следующих храмах: у о. Георгия Кочеткова, в храме Космы и Дамиана, что в Столешниковом переулке, в Бобриневском монастыре у о. Игнатия и у о. Павла Вишневого на Малой Никитской. И вот одна из таких редких общин, которая успешно привлекала не только неофитов, но и обращала бывших сектантов в православие, теперь Вами или Вашим именем ликвидирована. Очередь за остальными???

Грустно и больно, что приходится писать такое горькое письмо в первый день Великого поста — времени покаяния, стремления к внутренней духовной гармонии. Простите меня, Владыко, великодушно, если чем обидел; но покаяние, метания, это прежде всего самоочищение, и вот в этом письме я попытался очистить свою душу перед Вами, изложив самое наиболее болезненное.

Испрашивая Ваших архипастырских молитв, остаюсь недостойный

Дмитрий Поспеловский

Сергей Витте: О современном положении православной церкви

История церкви

Объявление религиозной свободы вызывает необходимость изменений в государственном положении православной церкви

После двухвековой политики религиозных стеснений Россия вступает теперь на путь широкой веротерпимости. К этому побуждает как сознание несоответствия религиозных стеснений духу православной церкви, так и испытанная долгим опытом их бесполезность. И официальные отчеты, и особенно частные сообщения лиц, стоящих близко к миссионерскому делу, убеждают, что притеснения содействуют усилению расколо-сектантства, а никак не его ослаблению. Но если вопрос о религиозной свободе можно считать решенным в положительном смысле, то теперь вполне своевременно выяснить и то положение, в котором окажется при изменившихся условиях сама православная церковь: в силах ли она будет выдержать предстоящую борьбу с сектантством и иновением вообще? В духовной литературе по этому поводу слышатся весьма тревожные голоса. «Объявить теперь свободу совести для всех — это значило бы всем развязать руки, а деятелей церкви оставить связанными». К этому мнению епископа Сергия

(ректора с.-петербургской духовной академии) присоединяется почти вся современная богословская литература. Очевидно, и при полной внешней свободе и даже охране со стороны государства, внутреннюю жизнь православной русской церкви опутывают какие-то тяжелые цепи, которые также необходимо снять; следы их, действительно, заметны в современной религиозной жизни.

Современный упадок церковной жизни и его причины

И духовная, и светская печать одинаково отмечают общую вялость внутренней церковной жизни: отчуждение прихода и особенно образованных слоев общества от своих духовных руководителей; отсутствие живого проповеднического слова; общую слабость пастырской деятельности духовенства, ограничивающегося, в большинстве случаев, только совершением богослужения и требоисполнением; полный упадок церковной приходской общины с ее просветительными и благотворительными учреждениями; сухость и формальность епархиального, «консисторского» делопроизводства и узко-бюрократический характер деятельности группирующихся около Синода учреждений. Еще от Достоевского мы услышали впервые грозное слово: «русская церковь в параличе», — тогда оно не встретило серьезного возражения. Причину упадка церковной жизни и Достоевский, и его многочисленные позднейшие единомышленники указывают в некоторых особенностях совершенной Петром Великим реформы церковного управления и в том укладе местной жизни, который стал развиваться с этого времени. С начала XVIII века в церковной жизни стало ослабевать, а затем и совсем исчезло соборное начало: это, прежде всего, и вызвало застой церковной жизни.

Соборное начало, как отличительная особенность древнего православия

Религиозное начало есть по преимуществу начало общественное; оно развивается и крепнет там, где общественной жизни предоставлена некоторая свобода. Естественно, поэтому, что «соборность» была основным началом церковной жизни и главным принципом церковного управления. От христианских общин времен апостольских, с их старейшинами и братией, и до византийских патриархов с придворным штатом чинов, их окружавших, начало соборного управления непрерывно выдерживалось в церковном каноне.

Органы соборного управления

Органами соборного управления являлись соборы вселенские и поместные. Первые были явлениями исключительными, вызывавшимися особыми обстоятельствами, и, конечно, не могли повторяться часто. Но поместные соборы, на основании апостольских правил (20 и 37) и канонов вселенских соборов (I, 5; IV, 19; VII, 8; VIII, 6), получивших силу непреложного канонического закона, должны были собираться дважды или, по крайней мере, один раз в год. На поместные соборы являлись или присылали своих представителей все епископы местной церкви. Епархиальное управление было также основано на принципе соборности. При епископе состоял собор пресвитеров; часто в этих совещаниях участвовала и целиком вся церковная община; таким публичным общественно-совещательным было церковное управление апостольских времен и, вообще, первых веков христианства, когда церковная община, имевшая отдельного епископа, не представляла большой численности; при дальнейшем развитии церковной жизни присутствие всех членов общины сохранялось только на приходских собраниях, а на епископском соборе постепенно заменялось их представительством. Патриаршество, которое рассматривалось Духовным Регламентом как помеха соборному управлению церкви, отнюдь не нарушало принципа соборности, — патриарх являлся далеко не единоличным управителем церкви, а только председателем существовавшего около него постоянного собора; он был немислим без собора; это обычный канонический порядок, редкие отклонения от которого всегда сопровождалась упадком церковной жизни.

Неканонический характер церковной реформы Петра Великого

Учрежденный преобразователем России Синод носит только внешние, отнюдь не канонические черты соборности. В нем соборное начало подменено коллегиальностью. Сущность соборного начала не в том, что во главе правления стоит не одно, а несколько лиц, а в том, что каждое из этих лиц является представителем целой общины. Коллегиальность же есть лишь система внутренней бюрократической организации. В нашем синодальном управлении нет представительства от каждой епархии, нет представительства вообще, так как члены Синода назначаются правительством; он представляет собою «не представительство церковное, а государственное бюрократическое учреждение». «Постоянный Синод, — говорит профессор Заозерский, — какую бы форму он не имел, есть во всяком случае только исполнительный орган целого поместного собора. Это, конечно, вполне приложимо и к русскому Синоду. Но в России поместный собор не только не собирается ежегодно, но не собирался ни разу уже в течение двухсот лет. А потому вся система нашего церковного управления представляется не имеющею канонического основания. Православные канонисты сознаются, что при учреждении Синода Петр Великий действовал не по образцу обязательных для православной церкви канонов, а «под сильным влиянием протестантских канонических систем, с которыми он познакомился в Голландии и Швеции» (Павлов, Суворов и др.). В епархиальном управлении, в замену древнего собора пресвитеров, учреждены так называемые «консистории», представляющие бюрократические коллегии, с четырьмя — пятью членами из духовенства, назначаемыми Синодом по выбору епископа, и с светским чиновником-руководителем. Таким образом от представительства отдельных приходских обществ на епископском соборе здесь не осталось и следа. Если бы даже консисторию и можно было назвать собором, то, во всяком случае, это был бы собор безглавый, ибо он никогда не видит в своем кругу епископа, а сносится с последним путем канцелярской переписки или чрез светское лицо — секретаря консистории.

Влияние на церковную жизнь реформы Петра Великого

Изгнание из церковной жизни принципа соборности управления повело за собою изменение и самого духа церковной жизни. Деятельность Синода уже в первые годы приняла внешний, бюрократически-полицейский характер: разыскивать разные злоупотребления, искоренять суеверие и свободомыслие в разных формах. Предписания Синода епископам состояли по преимуществу из таких же наставлений о средствах розыска и искоренения, причем рекомендовалось иногда даже тайное выслеживание и выпрашивание. Все духовные обязанности членов православной церкви были строго регламентированы и расписаны по статьям и параграфам, соответствующим нынешнему «уставу о предупреждении и пресечении преступлений». Здесь было предусмотрено и уловлено всякое малейшее религиозное проявление духа и подробно предписано как держать себя в храмах и соблюдать в них благопристойность и тишину, как стоять пред иконами, проводить праздники, ходить на исповедь и следить за твердостью в вере православных. Эти попытки полицейской регламентации неподдающихся ей предметов и явлений духовной жизни несомненно вносили в церковную сферу мертвящее веяние сухого бюрократизма.

Главную целью церковной реформы Петра I было низвести церковь на степень простого государственного учреждения, преследующего исключительно государственные цели. И, действительно, церковное управление скоро сделалось только одним из многочисленных колес сложной государственной машины. Впоследствии «ведомство православного исповедания» правильно организовалось по образцу остальных министерств, с обер-прокурором во главе, который стал представителем церкви пред Государем и в высших государственных учреждениях (государственный совет, комитет министров). В настоящее время наше церковное

управление носит замкнутый канцелярский характер; иерархия сносится с народом чрез посредство бумаг, редко входя с ним в непосредственное живое общение. Причем постоянною преградой между церковью и народом, и церковью и Государем стоит светский бюрократический элемент. Говорить о церковной самодеятельности, самопочине или даже о взаимном живом общении между собою иерархии не приходится. Живую общественную жизнь и здесь заменила бумага. Единственным путем к пробуждению замерзшей жизни может быть только возврат к прежним каноническим формам церковного управления.

Древнерусский приход

Неблагоприятный поворот, совершившийся в жизни русской церкви в XVIII веке, едва ли не ярче всего сказался в упадке прихода, этой основной ячейки церковной жизни. Поворот этот тем более заметен, что церковно-общественная жизнь древнерусского прихода отличалась большим оживлением. Русский приход представлял прежде живую и самодеятельную единицу. Община сама строила себе храм, избирала священника и остальной церковный причт. Церковная казна имела тогда более широкое назначение; ею поддерживались не только храм и дома для причта, но и школа с учителем и целый ряд благотворительных учреждений; иногда она играла роль крестьянского банка и раздавалась неимущим. Приходская община сама судила своих сочленов и имела право самого широкого вмешательства даже в их внутреннюю семейную жизнь, следя за нравственными поступками каждого сочлена. От этой живой и деятельной общины в настоящее время осталось только одно имя.

Причины упадка прихода

Падение жизнедеятельности прихода было вызвано сложными причинами, из которых многие продолжают оказывать свое гнетущее влияние и до сих пор; главными из них нужно признать развитие крепостного права, подорвавшего самостоятельность общинной жизни, и быстрое поступательное движение государственной централизации, все более и более устранявшей от участия в управлении местные элементы. Было время, когда не в меру усердные становые приставы преследовали все, что носило на себе какую-нибудь тень общины. «Братский» суд тогда считался самоуправством, «братские» сходки — опасными собраниями. К этим причинам общего характера присоединились весьма своеобразные требования, которые стали применяться правительством к приходскому духовенству. Смотри на церковь только как на составную часть государственного механизма, преобразователь России решил привлечь ее служителей к исполнению чисто государственных обязанностей, и к великому несчастью приходского духовенства, возложил на него совершенно несвойственное духовному сану полицейско-сыскное дело, — священник должен был следить за правильным показанием числа податных душ и, кроме того, неукоснительно доносить обо всех открытых ему на исповеди поступках, клонившихся к вреду государства. Превратившись из духовного руководителя в агента полицейского надзора, пастырь потерял всякое доверие своих пасомых и нравственную связь с ними. Этому способствовали и другие обстоятельства. С падением самостоятельности приходской общины сильно ухудшилось материальное положение духовенства; прежде община сама собирала известную, заранее определенную, сумму на содержание причта; — с падением общинного приходского хозяйства духовенство оказалось вполне предоставленным себе и должно было питаться обработкой наравне с крестьянами тех небольших клочков земли, которые даны помещиками церквам, и копеечными сборами с прихожан за требы; осиротевшая же семья священника оставалась совсем без куска хлеба и могла жить только подаванием милостыни со стороны прихожан. Такое материальное положение приходского духовенства вызвало много темных явлений в церковной жизни. Тяжелое положение сирот побудило духовное начальство допустить на практике весьма своеобразный способ благотворения — наследственную передачу священнических мест сыну или мужу дочери умершего члена

причта. Поддерживаемый долгое время этот порядок замещения священнических мест, мешая приливу в духовное сословие новых сил со стороны, положил начало его кастовой замкнутости, производящей теперь такое неблагоприятное впечатление на общество. Кастовый замкнутый характер духовенства — явление небывалое в древней церковной жизни, где члены клира избирались из состава общины без всякого различия их звания и состояния. Во второй половине минувшего века, особенно в последнее его десятилетие, благодаря заботам правительства, материальное положение духовенства стало улучшаться. Но все же 15–20 р. месячного жалованья и незначительные доходы с церковной земли не обеспечивают священнику даже насущного хлеба и принуждают его облагать приход рядом обязательных сборов при совершении таинств и требоисправлении. Эта необходимость печально отражается на взаимных отношениях пастыря и паствы. В душе священника денежные счета в самый неподходящий для этого момент поселяют чувство пастырского бессилия; эта вынужденная торговля святыней отнимает у него всякую опору для деятельности; прихожанам, далеко не всегда способным понять степень материальной нужды своего пастыря, такие поборы подают повод относить священника к числу кулаков и мироедов. При таких условиях обеспечения духовенству трудно подняться выше простого требоисполнения, как ремесла, и стать действительным пастырем народа, а церковной общине сплотиться около него, как центра; между той и другой стороной будет вечно стоять какая-то стена.

Средства усиления приходской жизнедеятельности

Первым условием для поднятия пастырской деятельности должно быть изыскание таких путей обеспечения духовенства, чтобы священник был избавлен от необходимости торговаться с прихожанином перед совершением таинства. В данном случае нужно иметь в виду не одно увеличение средств на содержание духовенства из казны, быстрого роста которых не может допустить состояние государственного казначейства, а такую организацию земского обложения в пользу духовенства, — путем которой оно получило бы с прихода те же средства, что и теперь, без необходимости лично вымогать их у каждого прихожанина в частности. Это удобнее всего выполнить при восстановлении свободы самоуправления церковной общины. Для оживления приходской жизни церковной общине необходимо вернуть отнятое у нее право на участие в церковном хозяйстве и право выбора или, по крайней мере, участия в выборе членов причта. В первые века христианства не только пресвитеры, но даже и епископы избирались местной общиной. Это право избрания имело большое моральное значение — епископ или пресвитер вступал в свою общину желанным и званым руководителем, а не неведомым пришельцем, которого гонит сюда далеко не всегда даже собственная воля, а только милость или гнев высшего начальства. В настоящее время вопрос о замещении епископских кафедр представляется настолько твердо установившимся, что от права общины на избрание себе архипастыря уже не осталось и помина; но вопрос о выбранном начале белого духовенства подымался неоднократно. При современном составе сельской общины, в которой преобладают элементы малоосведомленного в религиозном отношении крестьянства, может быть несвоевременно говорить о выборе священника приходом, но группа приходских представителей, во главе с пресвитерами, являлась бы вполне компетентным для этого органом. Следы выборного начала до сих пор остаются в виде мертвых археологических остатков в нашем богослужении, — каково, например, пение «аксиос» при посвящении священника или диакона. И, казалось бы, весьма своевременно воскресить это древнее начало, так сильно поддерживавшее внутреннюю жизнь церковной общины. Но для осуществления его мало реорганизации только приходской общины. «Возрождение прихода вообще не достигает благотворного значения для целой поместной церкви, если дело ограничится только восстановлением автономного существования мелких церковных единиц. Эти единицы должны быть связаны между собою духовным общением, должны слиться в обширнейшее епархиальное общество с центральным пунктом — епархиальным архиереем. Параллельно с приходским

собранием, должно периодически составляться «епархиальное собрание», имея образцом своего устройства поместный собор» (проф. Заозерский). Таким образом, и эта частная реформа не достигнет цели без общей реформы высшего церковного управления.

О необходимости восстановления внутреннего единения церковной общины

Необходимым условием нормального хода внутренней жизни церкви является полное единение между собою верующих. У верующих первой христианской общины были, по выражению апостола, «одно сердце и одни уста»; тесно сплоченными союзами любви и братства являлись и позднейшие христианские общины. Такого единения в настоящей момент лишена наша православная церковь, почему так обильно и разрастаются на ее почве разные секты и плодятся религиозный индифферентизм. Помимо общей разъединенности духовенства с приходом, причины которой отмечены выше, весьма серьезные опасения вызывает недружелюбное отношение к церкви значительной части нашей интеллигенции и общая духовная рознь между последнею и народом. Сгладить этот пагубный духовный раскол в нашей внутренней жизни может только церковь. Но для этого духовенству необходимо прежде всего восстановить свое влияние на образованные слои общества. Как показали последние годы, когда обнаружился значительный интерес образованного общества к религиозным вопросам, причину отчуждения его от церкви нельзя видеть в одном религиозном индифферентизме и языческом характере нашей светской культуры. Причины коренятся, по-видимому, глубже — в самом складе церковной жизни замерзшей, оторванной от волнующих общество интересов. Но, во всяком случае, пред нами тот печальный факт, что духовенство оказалось бессильным примирить с церковью и подчинить ее влиянию значительную часть образованного общества, что оно недостаточно подготовлено к борьбе с неблагоприятными церковными и нравственными течениями современной культуры.

Недочеты духовной школы

Значительная доля вины за это падает, по сознанию вполне компетентных органов духовной печати, на нашу духовную школу. Духовная школа совсем мало занимается современными течениями общественной мысли. Из ученических библиотек тщательно исключается все, что знакомит с современными отрицательными культурными течениями. Но прятать от будущего священника литературу, отрицательно относящуюся к религии и государству, не значит ли просто обезоруживать его. В роли священника — официального защитника религиозного идеала — ему неминуемо придется столкнуться с представителями самых позднейших отрицательных течений, и удивительно ли, что батюшка, на соблазн всем окружающим, окажется бессильным сказать веское слово против них. При настоящих запросах общественной жизни священнику необходимо подробное критическое ознакомление со всеми современными течениями культурной мысли. Необходимо в частности обстоятельное знакомство с условиями социальной жизни и с науками общественными, которого совсем не дает духовная школа. В превосходство нашего государственного строя над формами западно-европейской социальной жизни наше духовенство верит, но только детскою верою, и потому, когда обстоятельства вызывают его высказаться по тому или иному общественному вопросу, встать на защиту тех или иных государственных задач, — последняя оказывается настолько неумелой и порою даже наивной, что, вместо желательного результата, производит только отрицательное действие, клонящееся ко вреду государства, ибо неумелая защита принципа — лучшее средство его уронить в глазах общества. Государству нужна от духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересов, а не наивная вера в современное положение. «Наша духовная школа вся сосредоточилась на истории, на прошлом, она слишком теоретична, оторвана от жизни, и пока останется такою, все проекты возрождения приходской жизни будут иметь мало успеха», так как центральным лицом в приходе, его вдохновителем и

руководителем, в конце концов, всегда будет священник, которого готовит к общественной деятельности церковная школа. Вопрос о духовной школе не есть вопрос отдельного ведомства, это дело, близко касающееся всего государства, ибо всецело от ее постановки зависит степень религиозного воздействия на народ. И если теперь духовная школа представляется узко сословной, почти недоступной для посторонних светских элементов, то такой порядок вещей приносит существенный государственный вред. Если какое иное, то именно религиозное, образование должно быть доступно всем, невзирая на различие сословия и возраста.

Общие выводы и проекты реформы церковного управления

С грустью останавливаясь на современном упадке внутренней религиозной жизни, духовная литература не раз отмечала нежелательные насильственные изменения, вводившиеся в церковную жизнь без всяких справок об отношении к ним церковного сознания. Весь XVIII век и начало XIX века, были, по преимуществу, временем таких стеснений; далее уже сама церковная жизнь стала укладываться по указанному шаблону; так, на почве обезличенного бюрократизмом церковного управления уже сама собою создалась сухая, схоластическая, оторванная от жизни школа. Политика насилия над церковным сознанием, принесенная, может быть, некоторую государственную пользу в ближайшее время, в дальнейшем отразилась страшным вредом — тем упадком церковной жизни, с которым приходится считаться теперь. В этом отношении она весьма напоминает старинное хозяйство наших земледельцев, старавшихся извлечь из земли все, что можно взять с нее в данный момент, и этим обрекавших на голод и нужду своих сыновей. Ибо нет такой тучной земли, которую бы не истощила непрерывная, немилосердная разработка. Кажется, за два века слишком уж интенсивного хозяйства государства на церковной почве последняя окончательно истощилась. Церкви необходим союз с государством; необходима и государству поддержка церкви, но условия союза между тою и другою стороною должны быть составлены так, чтобы не ослаблять самостоятельности ни церковного, ни государственного организма. Реформа Петра Великого коренным образом нарушила это равновесие. Представители русской иерархии не раз пытались протестовать против нового порядка вещей в виде, например, просьбы императрице Елизавете об упразднении светских чиновников в Синоде, или записок (митрополита Филарета) о необходимости созыва поместного собора, но светская власть ведомства православного исповедания прилагала все усилия к сохранению установленного порядка вещей.

Необходимость созыва поместного собора и его состав

В настоящее время народного неурюстройства, когда особенно дорого живое, деятельное воздействие церковных сил на народ, вопрос о необходимости церковной реформы обсуждается в духовной печати с особым оживлением. «Теперь, — говорят, — настало время подробнейшего рассмотрения всех дефектов нашей церковной жизни и заправляющих ею установлений. Чем шире будет поставлено дело пересмотра, чем скорее будут введены улучшения и перемены, тем более будет уверенности в том, что церковь вынесет настоящее испытание и выйдет из него полною свежих сил для продолжения своего святого дела». «Но реформа, — замечает духовная печать, — должна быть не делом чиновников и не делом заседающих в Синоде или даже несколько большего числа архиереев, а свободным делом всей русской церкви». При этом все высказывающиеся по этому вопросу духовные органы указывают на необходимость созыва поместного собора. Но для того, чтобы этот собор представил собою действительно голос всей русской церкви, он не может быть замкнутою архиерейскою коллегиею, которая есть явление не каноническое. Как вселенские, так и поместные соборы были не коллегиями иерархов-епископов, а собранием всех лучших сил церкви — как клира, так и мирян (Заозерский); на них присутствовали и принимали деятельное участие и пресвитеры, и диаконы, и простые миряне. На соборе должен быть выслушан каждый голос; только при таких

условиях достижима одна из главных целей собора — достаточная осведомленность о запросах современной духовной жизни. В составе постоянного собора, существующего в настоящее время при константинопольском патриархе, кроме духовных лиц, находятся представители греческого народа, избираемые народным собранием. И в состав русского Синода первоначально входили, кроме епископов, представители белого духовенства, и только с течением времени он обратился в замкнутую архиерейскую коллегия, что явилось дальнейшим отклонением от канонической почвы. Двести с лишним лет мы не слышали голоса русской церкви, не пора ли, наконец, прислушаться к нему; не пора ли узнать, что скажет она о современном укладе церковной жизни, получившем место помимо ее воли и вопреки завещанным ей традициям священной старины. На поместном соборе, где нужно будет организовать представительство как от белого духовенства, так и от мирян, и должен быть рассмотрен вопрос о тех необходимых изменениях в строе церковной жизни, которые дали бы возможность церкви стать на надлежащую высоту и получить необходимую свободу действия. При настоящих неоспоримых признаках некоторого внутреннего шатания как общества, так и народных масс, ждать дальше опасно. Религия составляет главную основу народного духа, ею до сих пор стояла и была крепка русская земля, только при помощи этой силы может выйти русский народ и из настоящей тяжелой години испытаний. И не может быть большего государственного вреда, как стеснять развитие и свободное проявление этой народной силы, пытаясь вложить ее в рамки сухих бюрократических начал, как это делается теперь.

* «Слово», № 108 за 28 марта 1905 г.

Митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский): Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви

История церкви

Под руководством высокопреосвященного митрополита Антония личным составом канонистов и профессоров церковной истории и гомилетики с.-петербургской духовной академии был выработан ряд пунктов (вопросов) о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви, которые в качестве докладной записки и представлены были в Комитет министров.

1. Бывшие в Комитете Министров суждения по вопросу о веротерпимости открывают отделившимся от православной церкви (старообрядцам, сектантам и пр.) известное государственное положение с определенными правами и льготами, и в тоже время не касаются их внутренней, в собственном смысле, церковной жизни. Вопросы, например, о браке и разводе, о церковном суде над духовными и светскими лицами, об организации общинно-приходской жизни и благотворительности, о назначении и способах выбора высшего и низшего духовенства и т. п. — все это останется вне вмешательства государственной, светской власти (пока не выходит, конечно, за пределы дозволенного русскому подданному вообще). Такая автономия в своих церковных делах ставит помянутые общества в некоторых отношениях в более благоприятное положение, чем то, в каком находится ныне признаваемая господствующею в государстве церковь православная, и предоставляя духовенству этих обществ особенный, исключительный авторитет в делах церковных, открывает духовенству

возможность широкого влияния на всю вообще жизнь, и семейную и общественную, своих пасомых. Это, вместе с возможностью автономной организации, создаст из этих обществ силу весьма внушительную и для многих более привлекательную, чем стесненная в своей чисто церковной деятельности церковь православная. В особенности это нужно сказать об общине, приемлющей «австрийское священство», она имеет всю видимость православной церкви. Может явиться опасность, что эта община обратится в церковь народную, тогда как православная церковь останется только церковью государственной. В виду этого, а также и в виду того, что православная церковь составляет одну из главных основ русского государственного порядка и один из его исторических устоев, не является ли и с точки зрения государства существенно необходимым пересмотреть нынешнее государственное положение православной церкви в России с тем, чтобы и при изменившемся государственном положении отпадших от нее, не лишить ее авторитета у народа и не лишиться ее влияния на последний. 2. Так как одним из величайших преимуществ инославных обществ теперь является их автономия во внутренних церковных делах, то, чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить или хотя бы несколько ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над жизнью церковной и над деятельностью церковного правительства, который лишает церковь самостоятельности и инициативы и, ограничивая область ее ведения почти одним богослужением и исправлением треб, делает ее голос совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни. Не следует ли, поэтому, предоставить православной церкви большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководиться, главным образом, церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов и, освобожденная от прямой государственной или политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства. 4. Наставник и прочие духовные лица инославных общин, являясь ставленниками этих последних, должны иметь для них особый авторитет и, при всех обстоятельствах не только чисто церковной, но и общественной жизни, окажутся естественными представителями своих общин и ходатаями за них пред правительством. Такого же непосредственного участия в общественной жизни прихода желает и от православного духовенства Высочайший указ от 26-го июня 1904 года. Поэтому, не следует ли распространить на православных священников права быть непременно членами общественно-государственных учреждений, имеющих место в их приходах (в случае восстановления прихода, как земской единицы), участвовать в мирском сходе и быть представителями общины пред властями, при желании последней. 5. Чтобы голос церкви был более слышен в государственном управлении (которое принципиально призывает на себя благословение церкви), а также, чтобы и государственные сановники могли непосредственно от полномочных представителей церкви знать ее взгляд на тот или иной предмет, и представители церкви могли непосредственно разъяснять государственным сановникам церковные дела и ходатайствовать о нуждах и потребностях церкви, не признано ли будет желательным теперь же предоставить высшим представителям церковной иерархии (нескольким из них, по рангу или по выбору церкви) участия с правом голоса в заседаниях Государственного Совета, Комитета Министров и подобных высших государственно-законодательных учреждений. Для развития приходской благотворительности и вообще для оживления прихода и правильной организации приходской жизни было бы весьма важно признать приход юридическим лицом с правом собственности, что давало бы приходской организации устойчивость и средства материальные. С другой стороны, православная церковь в отношении к вопросу о приобретении собственности окажется в будущем едва ли не в худшем положении, чем общины, отделившиеся от нее: всякая собственность, хотя бы отказанная церкви по завещанию, закрепляется теперь за церковным учреждением только Высочайшею волею. Поэтому, не признано ли будет возможным теперь же пересмотреть законы о праве церкви на собственность, ее приобретение и пользование. Возрождение и оживление прихода, от чего справедливо ожидают благодетельных

последствий для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условии децентрализации церковного управления, когда инициатива во многих делах, а равно и окончательное вершение их будут перенесены из центра в области и епархии. Но такая децентрализация, вместе с указанной выше переменной в государственном положении православной церкви, естественно, и предполагает и влечет за собой многие изменения в строе церковного управления, как центрального, так и епархиального, и во взаимных отношениях того и другого. Все это приводит к мысли о необходимости пересмотра церковного строя. С другой стороны, и независимо от этого, существует настоятельная и в литературе уже давно признаваемая необходимость пересмотра некоторых сторон церковного управления, например, особенно церковного суда, прав и полномочий епархиальных съездов, участия в них мирян, как представителей приходов, и многих других. Хотя все эти вопросы тесно соприкасаются с интересами общегосударственными и законодательством, но вполне компетентно и окончательно могут быть разрешены только в церковном совещании. Поэтому не благовременно ли теперь же представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совещание из представителей церковной иерархии, с участием сведущих лиц из духовенства и мирян, для пересмотра существующего церковного управления и для выработки проекта необходимых в нем преобразований.

* «Новое время» №10 (431-й), 20 марта 1905 г.

Сергей Витте: Из воспоминаний

История церкви

Если в предыдущем номере нашего журнала мы печатали документы, вообще предшествовавшие указу о веротерпимости 17 апреля 1905 г., то в этом номере публикуются документы, появившиеся непосредственно перед указом и прямо связанные с ним. Это докладная записка в Комитет министров митрополита С.-Петербургского Антония (Вадковского) и записка видного государственного деятеля Российской империи, в то время — председателя Комитета министров, Сергея Юльевича Витте «О современном положении православной церкви». В качестве предисловия мы предлагаем читателю отрывок из воспоминаний С. Ю. Витте, где подробно раскрывается тот контекст, в котором эти документы появились на свет.

Когда приступили к вопросам о веротерпимости, то К. П. Победоносцев, пришедши раз в заседание и усмотревши, что митрополит Антоний выражает некоторые мнения, идущие в разрез с идеей о полицейско-православной церкви, которую он, Победоносцев, двадцать пять лет культивировал в качестве обер-прокурора святейшего синода, совсем перестал ходить в Комитет и начал посылать своего товарища Саблера. <...>Сперва Комитет министров определил некоторые общие положения о веротерпимости, затем главным образом остановился на устранении стеснений, лежащих на старообрядчестве и на неизуверных сектантах. В особенности Комитет министров остановился на крайне трудном положении, в каком находятся в смысле религиозном наши старообрядцы, которые всегда составляли элемент наиболее консервативный, наиболее преданный своему царю и родине. Такого воззрения держался и покойный император Александр III, который относился всегда к старообрядцам в высокой степени благосклонно. Такого же воззрения и убеждения держался и поныне держится император Николай II, и если все-таки при всем этом ничего не было сделано для большей веротерпимости к старообрядцам, то, конечно, это происходило не от взглядов и желания этих императоров, а от крайне узких воззрений их советчиков и особливо обер-прокурора святейшего синода Константина Петровича Победоносцева. В отношении

веротерпимости Комитет министров в полном составе, а равно и члены, которые были приглашены в Комитет министров по моему представлению и с утверждением его величества для рассмотрения всех вопросов по указу 12 декабря 1904 г., а именно члены Государственного совета Таганцев, Сабуров, Куломзин, единогласно считали необходимым в отношении веротерпимости принять решительные меры. На этом поприще нечто и сделано, а именно последовал знаменательный указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, который ныне составляет базис того положения вещей, в котором находятся в России инославные и другие церкви, отличные от святой православной церкви. Этот указ был выработан Комитетом министров, и его величеству угодно было утвердить его. Он приобрел силу закона. Указ этот такого же рода, как манифест 17 октября 1905 г., т. е. представляет собою такие акты, которых можно временно не исполнять, можно проклинать, но которые уничтожить никто не может. Они как бы выгравированы в сердцах и умах громадного большинства населения, составляющего великую Россию. Указ 17 апреля установил лишь принципы; необходимо было выработать все подробности, ясно устанавливая пределы свободы инославных, нехристианских и отпавших от православных церквей и отношение к ним властей. Для сего по представлению Комитета министров должно было быть основано особое совещание по вопросам о веротерпимости. <...> Для всех было очевидно, что собственно от этого совещания о веротерпимости желают. Конечно, это особое совещание никаких законченных трудов не сделало и в бытность мою председателем Совета ничего не представило, затем было закрыто и некоторый материал передало в министерство внутренних дел. <...> Митрополит указывал лишь мне, как председателю, и членам Комитета министров, что согласно сообщениям Комитета предполагается дать значительную свободу инославным церквам, а равно и нехристианским религиозным общинам, а также старообрядчеству. Не возражая ничего против этих предположений, <...> он тем не менее находил, что это в высокой степени несправедливо в отношении православной святой церкви, ибо православная церковь не пользуется теми свободами, которыми предполагается наградить иные церкви и иные вероисповедания. Конечно, это было заявление такого рода, которое не могло не встретить не только полной симпатии со стороны Комитета министров, но даже не могло не возбудить в сердце членов, по крайней мере в моей душе, самые резкие горестные чувства. Представляя его величеству доклад об указе 17 апреля и о решении Комитета образовать особое совещание по вопросу о веротерпимости, конечно, я не мог не доложить государю о том, что высказал высокопреосвященный митрополит. Его величество тоже принял близко к сердцу горькое соображение митрополита. Я доложил государю, что вследствие такого заявления митрополита было бы необходимо рассмотреть в Комитете министров главные основания, которые желательно было бы ввести в отношения государства к русской православной церкви и которые могли бы дать русской святой православной церкви необходимую свободу действий и свободу управления. Его величеству благоугодно было соображения мои одобрить. Вследствие этого я доложил Комитету министров о решении его величества, чтобы Комитет обсудил вопрос о необходимых мерах по изменению некоторых порядков в православной церкви, с тем чтобы эти решения, которые будут намечены Комитетом министров, получили осуществление лишь через святейший синод или при его участии по заведенному порядку. При обсуждении указа 12 декабря, я в качестве председателя Комитета министров представил по каждому вопросу записку, т. е. свои мнения, которые могли бы облегчить Комитет министров в обсуждении дела. Поэтому я вплотную занялся изложением вопроса о том, в чем заключается слабость общества нашей православной церкви и какие, по моему мнению, необходимо сделать преобразования. Эта записка была составлена одним из моих сотрудников при моем большом и сердечном участии, так как вопросы православной церкви всегда, начиная с моего детства, были мне очень близки по тем традициям, которые я наследовал от моей семьи, и по той семейной атмосфере, в которой я воспитывался. Когда записка была напечатана и разослана членам, то последовало возражение и критика на нее обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева, числящегося больным. На записку К. П. Победоносцева я отвечал подробной

запиской, одновременно же митрополит представил в Комитет министров по моей просьбе редакцию тех вопросов, которые подлежали обсуждению Комитета министров. Вопросы эти были установлены с объяснением сути дела по каждому из представляемых вопросов. Эта работа, как мне сделалось известным, была произведена профессорами духовной академии под руководством митрополита. Когда был составлен весь этот материал, то мною было назначено заседание Комитета министров для обсуждения этого вопроса. Накануне дня, назначенного для заседания, вечером, я получил от К. П. Победоносцева письмо, в котором он мне сообщил, что по высочайшему повелению вопрос этот должен быть снят с обсуждения Комитета министров и вообще все это дело, о некоторых изменениях в порядках православной церкви, должно быть передано в святейший синод. Очевидно, что такого рода решение было принято под давлением оппозиционных сфер, во главе которых стоял числившийся больным обер-прокурор святейшего синода К. П. Победоносцев. Вопрос этот, таким образом, был передан на обсуждение святейшего синода. Синод того времени принял решения гораздо более радикальные, нежели те, на которых остановился бы Комитет министров, а именно он решил, что для обсуждения всего этого дела необходимо собрать поместный собор и учредить патриаршество, и так как это решено было единогласно, то Владимир Карлович Саблер не только не решился пойти против этого решения, но даже стал его соучастником. В результате В. К. Саблер должен был оставить место товарища обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева, а митрополит Антоний впал в опалу со стороны всесильного обер-прокурора. Решение же синода не было ни утверждено, но и не было и отклонено государем императором, а только было указано, что вопрос о созыве собора будет решен впоследствии. Затем прошло более пяти лет, так вопрос о соборе и не решен. В надлежащих случаях как бы подымается этот вопрос и показывается в виде отдельной туманной картины, но никакого собора в действительности собирать не предполагается. Между тем если взирать на будущее не с точки зрения, как прожить со дня на день, то, по моему мнению, наибольшая опасность, которая грозит России, — это расстройство церкви православной и угашение живого религиозного духа. Если почтенное славянофильство оказало России реальные услуги, то именно в том, что оно выяснило это еще пятьдесят лет тому назад с полной очевидностью. Теперешняя революция и смута показали это с реальной, еще большей очевидностью. Никакое государство не может жить без высших духовных идеалов. Идеалы эти могут держать массы лишь тогда, если они просты, высоки, если они способны охватить души людей, — одним словом, если они божественны. Без живой церкви религия обращается в философию, а не входит в жизнь и ее не регулирует. Без религии же масса обращается в зверей, но зверей худшего типа, ибо звери эти обладают большими умами, нежели четвероногие. У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения — в службы не Богу, а земным богам, всякое православие — в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими. Япония нас побила потому, что она верит в своего бога несравненно более, чем мы в нашего. <...> Совещание графа А. П. Игнатьева угасло, и только министерство Столыпина, воспользовавшись работами Комитета министров в порядке ст. 87 основных законов, dokonчило раскрепощение старообрядцев и неуверенного сектантства, которое было уже почти раскрепощено Комитетом министров по указу 12 декабря. Таким образом были сняты стеснения, лежавшие столетиями на наиболее преданной русским началам и православию в правильном смысле этого слова части русского народа. А сколько эти люди перетерпели, каким только они не подвергались стеснениям! При всем уважении к К. П. Победоносцеву, как замечательному по своим способностям человеку, должен сказать, что за последние 25 лет он являлся главным тормозом к решению старообрядческого вопроса. Сколько раз я его ни подымал прямыми и косвенными путями, я ничего не мог достигнуть. Должен засвидетельствовать, что государь всегда в душе был за старообрядчество, он всегда хотел покончить с этим вопросом, но у него не доставало воли перешагнуть препятствия в Победоносцеве и таких господах, как А. П. Игнатьев, Ширинский-Шихматов и tutti

quanti*. Независимо от изложенного, Комитет министров по указу 12 декабря принял некоторые частные меры, так, например, относительно свободы малороссийского языка, ибо в то время не разрешалось даже обращение евангелия на малороссийском языке. Вероятно, это имеет место и теперь, после столыпинского режима. Сказанное разрешение было дано Комитетом министров, на заседание коего был приглашен по этому делу президент академии наук великий князь Константин Константинович, который очень поддерживал мнение о необходимости дозволить обращение евангелия на малороссийском языке.

* Прочих. — Ред.

*С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М., Изд. социально-экономической литературы, 1960.

Священник Георгий Кочетков: В память Булата Окуджавы

Церковь и культура

Выступление на радиостанции Би-Би-Си (28 июня 1997 г.)

12 июня в парижской больнице скончался от воспаления легких долгие годы страдавший сердечным недомоганием Булат Шалвович Окуджава. О его служении Вере, Надежде, Любви говорит свящ. Георгий Кочетков .

Фаина Янова. О. Георгий, ушел еще один из тех, кто «чувства добрые в нас лирой пробуждал», — Булат Окуджава. Скажите, пожалуйста, как он коснулся Вашей жизни, или может быть жизни Ваших сверстников?

О.Г. Знаете, Булат Окуджава — это имя человека, которого не просто все знали, которого не просто все пели, но которого, может быть заочно, все любили. Невозможно было не откликнуться на его призывы. Нельзя было не откликнуться на его любовь, на его творение доброты и красоты. В бездуховном нашем обществе, тем более среди молодых людей, это было очень важно, потому что открывало путь к истинной вере в Бога и в человека, в ближнего.

А вся наша действительность тех лет способствовала прямо противоположному. Он примирял людей. Он показывал трагедию жизни. Он хотел, чтобы люди взялись за руки как друзья. Он воспевал веру, надежду и любовь таким языком, что это было приемлемо для самых разных людей, причем не только религиозных и прямо стремящихся к Богу и в Церковь. Многие об этом тогда не думали, но для каждого человека эти ценности, внутренние, духовные, глубинные, может быть, полузабытые, оставались ценностями высшего порядка. Поэтому его пели. Я помню, как его пели на выпускном вечере в нашей школе, московской. С каким чувством, со слезами на глазах, как какое-то обещание жить в соответствии с духом этих песен. И поэтому память о нем не может уйти.

И когда несколько наших прихожан попросили помолиться за упокой о нем, отказать было невозможно, хотя я был почти уверен, что он некрещеный и уж в любом случае нецерковный человек. Впрочем, я знаю о его попытках воцерковиться в последние годы. И если они не удались, то не по его вине.

Ф.Я. Как это было?

О.Г. Мне рассказали один случай. Он пришел в храм недалеко от своего дома, который расположен неподалеку также и от нашего храма. И стоял на службе. Ну, как обычно стоят люди новопришедшие. И вот в конце службы была проповедь. И там заговорили, к сожалению, о каких-то вещах совершенно не в евангельском духе, чуть ли не о жидомасонах. И после этого он сказал своей супруге: «Пожалуйста, не приглашай меня больше сюда. Я не смогу прийти».

Ф.Я. Какая жалость!

О.Г. Да, это забываемо. Я этот рассказ слышал, может быть, уже несколько лет назад, а забыть его не могу.

Ф.Я. Вы готовы были помолиться о нем, несмотря на то, что он не был человеком церковным и Вы не знали, был ли он крещеным. Насколько важно священнику знание о том, что человек крещеный, чтобы помолиться о спасении души его? Такого человека, как Булат Окуджава?

О.Г. Знаете, я думаю, что если есть отклик в душе на просьбу о молитве, невозможно ничем, никогда этот импульс остановить. Если он останавливается, это сродни духовному насилию. Это ограничение любви. Это как бы камень на пути Бога к сердцу человека и в Его собственную Церковь.

И я знаю, что сейчас много священников не только в личной, но и в храмовой молитве считают возможным молиться за всех. Мне представляется это очень существенной, положительной как бы поправкой той нашей средневековой православной традиции, которая не предусматривала этих случаев, может быть, из-за того, что общество было уже слишком однородным и поэтому предполагалось, что все его члены — верующие, а неверующие уж совсем как бы и не свои. Но Евангелие всегда, всегда напоминает нам о том, что Господь призывает изливать и солнце, и дождь над праведными и неправедными, над теми и другими, какими бы они ни были. Даже над злыми, а тем более над теми, которые сами излучали какой-то свет любви и доброты — так, как Булат Окуджава. Поэтому не молиться было просто невозможно. Даже если бы я точно знал, что он некрещеный, я все равно не мог бы ответить отрицательно на просьбу о молитве за него или сам не помолиться по внутреннему почину.

Любовь рождает любовь. Это древний закон, который знает Церковь. Добро рождает добро. И не может быть иначе. Окуджава был творцом этого добра, этой красоты, этой любви, этого уважения к человеку, к его личности. И конечно, он вызвал у многих и многих людей, и в моей жизни также, ответную реакцию. Он что-то сделал для того, чтобы можно было полнее, лучше воспринять христианство, православие в нашей стране, в нашем народе. И сейчас, в эти дни, хотелось бы пожелать себе и друг другу только одного: таких людей не терять. Иметь и не терять. Когда они есть в народе, народ живет, народ дышит, народ стремится к свету, к правде, к любви, к красоте.

Александр Копировский: Христос в русской поэзии

Поэзия

«... Почти у каждого крупного русского художника, писателя, поэта мы встретим собственный образ Спасителя». Это слова из вступительной статьи к поэтическому сборнику, который включает 97 стихотворений о Христе и 14 картин, посвященных Ему.. Христос в русской поэзии XVII-XX вв. / Сост. вступ. статья и примеч. Б. Н. Романова. — М.: Ключ; Свято-Троицкая Лавра,

1996. 384 с.: ил — (Золотая библиотечка русской религиозной поэзии). Мы печатаем в нашем журнале небольшую подборку из этой объемной антологии

Шедевров среди стихов немного. Но некоторые стихи, принадлежащие действительно большим поэтам — и XVII-XIX вв., и нашего времени, — касаются таких душевных струн, что не отозваться невозможно. А вот иллюстрации (кроме разве что «Спаса Нерукотворного» работы В.М.Васнецова на фронтисписе) совсем им не соответствуют. Вялые «академические» композиции, фигуры с заученными театральными жестами говорят о Христе без попыток «возлетать во области заочны», а значит, не говорят о Нем ничего. Поэтому мы решили сопроводить стихотворный текст не картинками, а иконами. Даже единственная данная нами живописная работа — поясное изображение Христа работы Александра Иванова (этюд к его «Явлению Христа народу») — не может быть названа картиной в полном смысле этого слова. Ведь при ее создании художник обращался также к византийским иконам, фрескам и мозаикам. Изображения эти, конечно, не есть иллюстрации к стихам. Они говорят о Христе сами. А. Копировский

Св. Димитрий Ростовский

Иисусе мой прелюбезный, сердцу сладосте, Едина в скорбех утеха, моя радосте. Рцы души моей: твое есмь аз спасение, Очищение грехов и рай вселение. Мне же Тебе, Богу, благоприлепятся, От Тебе милосердия надеяться. Никто же мне в моих бедах, грешному, поможет, Аще не Ты, о всеблагий Иисусе Боже! Хотение мне единос Тобою быти. Дажь ми Тебе, Христа, в сердце всегда имети. Изволь во мне обитати, благ мне являйся, Мною грешным, недостойным не возгнушайся. Изчезе в болезни живот без Тебе, Бога, Ты мне крепость и здравие, Ты слава многа. Радуюся аз о Тебе и веселюся, И Тобою во вся веки, Боже, хвалюся. < 1675-1681 >

Ф. И. Тютчев

Над этой темною толпой Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода, Блеснет ли
луч твой золотой?.. Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит и туманы... Но старые, гнилые
раны, Рубцы насилий и обид, Растрепанье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, — Кто их
излечит, кто прикроет?.. Ты, риза чистая Христа... 15 августа 1857

К. Д. Бальмонт

Одна есть в мире красота. Не красота богов Эллады, И не влюбленная мечта, Не гор тяжелые громады, И не моря, не водопады, Не взоров женских чистота. Одна есть в мире красота — Любви, печали, отреченья И добровольного мученья За нас распятого Христа.

А. А. Ахматова

В каждом древе распятый Господь, В каждом колосе тело Христово, И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть. 1946